

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

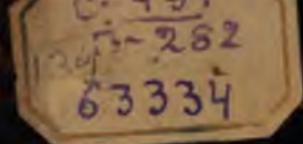
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2
0158588

?

МРВ

Н. Случевский.

„ПѢСНИ изъ

Съ портретомъ автора

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Маркса.

Digitized by Google

СОЧИНЕНИЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО

въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненными гелографией.

Въ это изданіе вошли всѣ беллетристическая и поэтическая произведения К. К. Случевскаго, причемъ первые три тома заключаютъ въ себѣ всѣ его стихотворенія, а содержимое послѣдніхъ трехъ томовъ составляютъ произведенія въ прозѣ.

ТОМЪ I. Думы.—Женщина и дѣти.—Лирическія.—Мгновенія.—Черноземная полоса.—Мурманскіе отголоски.—Изъ природы.—Мефистофель.—Изъ дневника односторонняго человѣка.—Пѣсни изъ „Уголка“.

ТОМЪ II. Баллады: фантазіи и сказы.—Въ пути.—На „разные случаи и смѣсь“.—Драматическая: Элоа. (Апокриическое преданіе).—Бунтъ. (Драматическая хроника).—Землетрясеніе. (Драматическая сцена).—Въ католическомъ монастырѣ XV вѣка.

ТОМЪ III. Призракъ.—Въ снѣгахъ.—Три женщины. (Разсказъ).—Попъ Елисей. (Разсказъ).—Ересархъ.—Вызвійский князь. (Неоконченная хроника).—Безъ имени. (Времени крѣпостного права).—Ларчикъ.—Тоже нравственность.

ТОМЪ IV. Повѣсти: Голубой платокъ. (Изъ записокъ вызыдоровѣшаго).—Окo за окo.—Професоръ басмѣтія.—Трецина.—Сказы: Альгоя. (Фантазія на южно-сибирское преданіе).—Любовь скокала.—Идолъ.—Грамматическая сказка.—Сосунъ.—Господинъ Можеть-Быть.—Дымный человѣкъ.—Чудесная гитара.—Верба. Мурманскіе разсказы: Передъ закрытыми глазами. (На Мурманѣ).—Черная буря.—Безыменъ.—Молене вѣтру. Гипы: Выстрѣль.—Капитанъ и его лошадь.—Человѣкъ и картоны.—Бабушкинны пузыри.—Два Сидоровыхъ.—Новый Дулькамара.—Ишуть клouновъ.—Какъ можно лгать.

Шесть томовъ „Сочиненій“ К. К. Случевскаго изданы всмѣса изящно, отпечатаны на хорошей бумагѣ и заключаютъ въ себѣ: т. 1.—VII+368 страницъ, т. 2.—IV+359 стр., т. 3.—316 стр., т. 4.—IV+443 стр., т. 5.—IV+454 стр. и т. 6.—395 стр.—всего XIX+2336 страницъ.

Цѣна за 6 томовъ—8 р., съ пересылкою—8 р. 75 к., въ шести изящныхъ коленковыхъ переплетахъ 11 р., съ пересылкою—12 р.

БОЛЬШОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

„ПО СЪВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“.

Соч. К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

Въ двухъ объемистыхъ томахъ XX+XII+1064 страницы большого 8°, съ двумя картами съверного и западнаго края, отпечатанными въ 6 красокъ, и съ 805-ю рисунками.

Вслѣдствіе исключительно благопріятныхъ условій, въ которыхъ находился авторъ, ему представлялась возможность ознакомиться съ наиболѣе выдающимися достопримѣчательностями посѣщеній мѣсть и видѣть многое, что для другихъ путешественниковъ ко бываетъ доступно. Благодаря этому, книга К. К. Случевскаго заключаетъ въ себѣ вычайно разнообразный и обильный матеріалъ историческаго, географическаго, этнографическаго.

Продолженіе см. на слѣдующ. стр. обложки.

K. Суходольский

Лечат. въ артист. завод А. Ф. Марка.

Digitized by Google

С-494
П-282

Sluchevskij, K.K.

Н. Случевскій.

С-485
п

ПѢСНИ изъ УГОЛКА.

63334

Съ портретомъ автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Маркса.
1902.

№

Р63470
§57 Р5

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ПѢСНИ изъ УГОЛКА.

1895—1901.

A.

ПОСВЯЩАЮТСЯ

A. A. Коринфскому и Н. А. Комляевскому.

Мы—разныхъ областей мышленья...
Мы—разныхъ силъ и разныхъ лѣтъ... .
Отъ васъ мнѣ слово утѣшенья,
Отъ васъ мнѣ дружескій привѣтъ.

Мы шли различными путями,
Различно билось сердце въ насть,
И мало схожими страстями
Мы жили въ тотъ, иль въ этотъ часъ.

Но есть нѣвѣдомыя страны,
Гдѣ—въ единеніи святомъ—
Цвѣтуть, какъ на Валгаллѣ, раны
Борцовъ; почившихъ вѣчнымъ сномъ.

Чѣмъ больше ранъ—тѣмъ цвѣть ихъ краше.
Чѣмъ глубже—тѣмъ расцвѣтъ пышнѣй..
И въ этомъ, въ этомъ—сходство наше,
Друзья моихъ послѣднихъ дней.

1.

Здесь счастливъ я, здѣсь я свободенъ,—

Свободенъ тѣмъ, что жизнь прошла,
Что ни къ чему теперь не годенъ,

Что полуслыть, что эта мгла

Своимъ могуществомъ жестокимъ

Меня не въ силахъ сокрушить,
Что свѣтомъ внутреннимъ, глубокимъ
Могу я самъ себѣ свѣтить,

И что изъ общаго крушенья

Всѣхъ прежнихъ силь, на склонѣ лѣтъ,
Святое чувство примиренья
Пошло во мнѣ въ роскошный цвѣтъ...

Не такъ-ли въ рухляди, надъ хламомъ,

Изъ перегноя и трухи,
Растутъ и дышать єиміамомъ
Цвѣтовъ красивые верхи?

Пускай основы правды зыбки,
 Пусть все безумно въ злобѣ дня,—
 Доброжелательной улыбки
 Имъ не лишить теперь меня!

Я домъ воздвигъ въ странѣ бедомной,
 Рѣшилъ задачу всѣхъ задачь,—
 Пускай ко мнѣ, въ мой уголъ скромный,
 Идутъ и жертва, и палачъ...

Я вижу, знаю, постигаю,
 Что всѣ должны быть прощены;
 Я добръ—умомъ, я утѣшаю
 Тѣмъ, что въ бессильѣ всѣ равны.

Да, въ лоно мощнаго покоя
 Вошелъ мой тихій «Уголокъ»—
 Возросшій въ грудахъ перегноя
 Очаровательный цвѣтокъ...

2.

Мой садъ оградой обнесенъ;
 Въ моемъ дому живутъ, не споря;
 Садъ весь къ лазури обращенъ—
 Къ лицу двухъ рѣкъ и лицу моря.

Тутъ люди крѣтки и добры,
 Живутъ безъ скучныхъ пререканій;
 Ихъ мысли просты, не хитры,
 Въ нихъ нѣть нескромныхъ пожеланій.

Весь міръ, весь безконечный міръ—
 Внѣ сада, внѣ его забора;
 Тамъ цѣнность золота—кумиръ,
 Тамъ столько крови и задора!

Здѣсь, очень рѣдко, иногда
 Есть въ жизни грустныя странички:
 Погибнетъ рыбка средь пруда,
 Въ травѣ найдется тѣльце птички...

И ты въ мой садъ не приходи
 Съ твоимъ озлобленнымъ мышленьемъ,
 Его покоя не буди
 Обиднымъ, гордымъ самомнѣньемъ.

У насъ нѣть мѣста для вражды!
 Любовь, что этотъ садъ взращала,
 Чиста! Ей примѣси чужды,
 Она тепломъ не обнисцала.

Она, незримая, лежить
 Въ корняхъ деревьевъ—тѣмой объята,
 И ею вся листва шумить
 Въ часы восхода и заката...

Нѣть! Приходи въ мой садъ скорѣй
 Съ твоей отравленной душою;
 Близъ скромныхъ, искреннихъ людей
 Ты пріобщишься къ ихъ покою.

Отсюда міръ, весь міръ, изъять
 И, полный злобы и задора,
 Не смѣя ринуться въ мой садъ,
 Глядить въ него изъ-за забора...

3.

Хакъ ты боишъся привидѣній!
Повѣрь: они—твой личный бредъ;
Намъ съ міромъ мертвыхъ нѣтъ общеній
И между двухъ міровъ—запреть.

Когда-бъ я мертваго увидѣлъ
Хоть мигъ одинъ, какъ видѣлъ ты,
Я-бъ этотъ мигъ возненавидѣлъ,—
Онъ сжегъ бы всѣ мои мечты.

Нельзя изъ моря снова въ рѣку
Былыхъ волнъ обратить;
Нельзя свершившемуся вѣку
Вернуться и грядущимъ быть.

Умершій сгинулъ безвозвратно,
Земное въ немъ завершено...
Что дальше? людямъ непонятно;
Бессмертье—плодъ, а мы—зерно!

Нить между двухъ міровъ общеній;
 Кто умеръ, тотъ, какъ лучъ, погасъ,—
 Въ немъ плоти нѣть для проявлений,
 Онь же воздѣйствуетъ на насть.

Загробный міръ—необходимость
 Въ вѣликой логикѣ причинъ,
 Но тутъ возможна совмѣстимость:
 И оба міра—лишь одинъ!

Да, для обителей загробныхъ
 Не нужно вовсе сферъ иныхъ,
 Такихъ, которымъ нѣть подобныхъ
 Въ подлунной, на путяхъ земныхъ.

Быть-можеть, тутъ-же, между нами
 Способны мертвые витать
 И мы обвѣяны душами.....
 Но ихъ—ни видѣть, ни признать!

И я привѣтствую порою
 Мечту чудеснѣй всѣхъ другихъ:
 Я живъ, но мертвые со мною,
 Они при мнѣ и я при нихъ.

4.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ —
Живой покой, святая тишина,
Все полно яснымъ, нетревожнымъ свѣтомъ,
Въ душѣ легко, и ясно даль видна!

И, если мгла за нѣкоторой гранью
Передъ умомъ слегка скрываетъ даль,—
Страдать отъ этого немыслимо сознанью:
Мнѣ жаль, что — мгла, но мнѣ спокойно жаль...

Тогда какъ въ чувствахъ столько острой боли,
Такая мощь безумной толчей
Терзаній духа и страданій воли,—
Успокоенье только въ забытьи,—

Что всѣ восторги страстныхъ наслажденій,
Всѣхъ оргій чувствъ за время лучшихъ лѣтъ
Не искупять безвременныхъ мученій,
Всегда идущихъ оргіямъ вослѣдъ...

Спѣши, спѣши въ спокойствіе мышленья,—
Въ немъ нерушимъ довременный покой;
Тамъ нѣтъ борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя — желанный и родной!..

5.

Какая ночь! Зашелъ я въ хату,
 Весь лѣсь лучами озаренъ
 И, какъ по кованному злату,
 Тѣнями ночи зачервленъ.

Сквозь крышу, крытую соломой,
 Мнѣ мнится — будто я цвѣтокъ
 Съ его полуночной истомой,
 Съ сіяньюмъ мѣсяца у ногъ!

Вся хата — то мои покровы,
 Мой цвѣтенъ и листва моя...
 Должно быть, всѣ цвѣты дубровы
 Теперь мечтаютъ такъ, какъ я!

6.

Воспоминанья вы убить хотите?!

Но—сокрушите помысломъ скалу,

Дыханьемъ груди солнце загасите,

Огнемъ костра согрѣйте ночи мгу!..

Воспоминанья—вѣчныя лампады,

Былой весны чарующій покровъ,

Страданій духа позднія награды,

Послѣдній слѣдъ когда-то милыхъ сновъ.

На склонѣ лѣтъ живешь, годами согнуть,

Одна лишь память свѣтить на пути...

Но, если вдругъ воспоминанья дрогнутъ,—

Погаснетъ все, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкія монеты!

Когда другихъ монетъ не отыскать—

Онѣ пригодны! Цѣлые банкеты

Воспоминанья могутъ задавать.

Бѣда, бѣда, когда средь нихъ найдется
 Стыдъ иль пятно въ свершившемся быломъ!
 Оно къ банкету скрытно проберется
 И тѣнью Бѣнко сядеть за столомъ.

63334

7.

Гдѣ, скажите мнѣ, та вѣсь небесъ лазурнаѧ,
Ночь—объявшая Татьяну полумглой,
Гдѣ тревога та пугливая и бурная,
. Прогудѣвшая надъ дѣвичьей душой?

Няня гдѣ ея? Съ любовью неизмѣнною,
Съ Таней жившая всѣмъ сердцемъ за-одно,
Съ рѣчью ласковою, сѣдиной почтенною,
Крѣпко вѣшившая въ то, чтѣ суждено?

Гдѣ, скажите мнѣ, тогъ смыслъ живого генія,
Тотъ полуденный въ саду старинномъ свѣтъ,
Что присутствовали при словахъ Евгенія,
Танѣ давшаго свой рыцарскій отвѣтъ?

Гдѣ кипѣвшая живымъ ключомъ страсть Ленскаго?
Скромность общая имъ всѣмъ, движеній чинъ?
Эта правда, эта прелесть чувства женскаго,
Эта искренность и честность у мужчинъ?

8.

Вы — думы яркія, мечтанья золотыя,
 Живыя дѣтища живой души моей,
 Рождайтесь въ добрый часъ, плодитесь, свѣтовыя,
 Являйтесь въ полчищахъ блистанья и тѣней!

Большія полчища, живущія въ тлѣнья,
 Во мнѣ возникшія, но видныя другимъ,
 Непостижимыя наукой воплощенья, —
 Вы — не мерцаніе, не призраки, не дымъ.

Въ вѣсъ ясно зримыя свидѣтельства мелькаютъ
 Того, что области безсмертья — не мечты!
 Что, такъ иль иначе, отъ нихъ къ намъ достигаютъ
 И чувствуются намъ нетлѣнія черты...

Я буду умирать! Со мною, обмирая,
 Но все еще живя, сверкая и звеня,
 Мечта и мысль, законамъ уступая,
 Начнутъ вдругъ отходить куда-то отъ меня —

2*

Въ непостижимое, въ неясное, въ нѣмое—
Въ слои невѣдомые «множества жилищъ»...
И съ ними отойдеть все то полуземное,
Въ чемъ богомъ я бывалъ, родившись слабъ и нищъ...

И, можетъ-быть, тогда, какъ эха откликъ нѣжный,
Въ иной загробный міръ я имъ вослѣдъ пройду—
Какъ и они, живой, свободный, безмятежный—
И личностью своей вполнѣ не пропаду...

9.

Дайте, дайте мнѣ, долины наши ровныя,
 Вашей ласковой и кроткой тишины!
Сны младенчества счастливые, безкровные,
 Если-бъ были вы второй разъ мнѣ даны!

Если-бъ все,—да, все,—что было и утрачено,
 Что бѣжитъ меня, опять навстрѣчу шло,
 Что теперь совсѣмъ не мнѣ — другимъ назначено,
 Но въ минувшій срокъ и для меня цвѣло!

Если-бъ это все возникло по прошедшему, —
 Какъ съумѣль-бы я мгновеніе оцѣнить,
 И себя въ себѣ негаданно нашедшему
 Довелось бы жизнь изъ полной чаши пить!

А теперь я что? Я — пѣсня въ подземеліи,
 Слабый лунный свѣтъ въ горячай полдня часъ,
 Смѣхъ въ рыданіи и тихій плачъ въ веселіи...
 Я — ошибка жизни, не въ послѣдній разъ...

10.

Сквозь оболочку праха, пыли, тлѣнья,
 Сквозь насть, блуждающихъ подъ именемъ людей,
 Проходить иногда живыя представленья
 Безсмертныхъ, божескихъ, зиждительныхъ идей!

Кто такъ глубоко паль, что въ немъ не возникали
 Идеи вѣчности, добра и красоты,—
 Тому не прозрѣвать въ заманчивыя дали
 Путей къ безсмертію! Къ нимъ сломаны мосты!

Но тотъ, въ комъ Божій духъ скитался сокровенно,
 Въ комъ, такъ иль иначе, онъ хоть на мигъ гостила,—
 Тотъ въ вѣчность перейдетъ безспорно, несомнѣнно,
 Хотя бы онъ совсѣмъ разсыпался и стниль.

Не тѣмъ, что можетъ тлѣть, не временною тканью—
 Духовной личностью онъ Бога принималъ
 И этимъ таинствомъ пришелъ къ неумиранию—
 Будь онъ преступникъ, будь онъ великъ иль малъ.

Гдѣ, какъ, когда, какимъ путемъ—не знаю,
Но онъ не можетъ быть безслѣдно сокрушенъ...
Не столько думаю, насколько постигаю,
Что даже обликъ свой вовѣкъ удержитъ онъ...

11.

Да, да, когда я молодъ быль,
Я такъ-же—какъ и ты—судиль
И точно такъ-же, какъ и ты,
Бывалъ игрушкой злой мечты!
Мы—отступающая рать—
Перестаемъ васъ понимать...
Еще потопъ не наступалъ,
Когда братъ брата убивалъ;
Чуть отжилъ вѣкъ Маѳусаиль,
Отецъ осмѣянъ сыномъ быль!
Вы—верхъ возьмете, мы—падемъ,
Какъ Цезарь, скрывъ лицо плащомъ...
Хоть знаютъ всѣ: Брутъ честенъ быль,
Когда свой ножъ окровянилъ;
Но, при Филиппахъ, иногда
Всплываетъ мщенія звѣзда...
Сегодня при Филиппахъ—мы!
Къ намъ призракъ движется изъ тьмы,
Онъ въ васъ, онъ—съ вами заодно...

Но въсмъ въамъ то-же суждено...
Да, нашей юности вина
Въ наслѣдство вамъ передана;
Падете вы, какъ мы падемъ,—
Но скроете-ль лицо плащомъ?

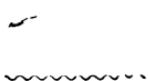

12.

Не можетъ свѣтъ луны надъ влагой
Покровомъ лечь,—идеть до дна;
Лишь блестки съ дерзкою отвагой
Плынутъ, и ихъ дробить волна.

Но если свѣтъ къ плитѣ могильной
Опустится—ковромъ лежитъ,
Блѣднѣя въ немощи безсильной
Проникнуть глубже подъ гранить.

Луна блестить, не сознавая;
Все дѣло въ томъ: гдѣ свѣтъ падеть?
Я—свѣтъ луны; ты, дочь родная,
Будь свѣтлымъ лономъ чистыхъ водъ.

13.

Часто съ тобою мы спорили..
Умерь! Осилить не могъ
Сердцемъ правдивымъ и любящимъ
Мелкихъ и крупныхъ тревогъ.

Кончились споры. Знать, правильный
Жилъ ты, не вкривь и не вкось!
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—
Сердце твое порвалось...

14.

Сколько хорошихъ мечтаній
 Люди убили во мнѣ;
 Сколько сгубилъ я дѣяній
 Самъ, по своей-же винѣ...

Въ жизни: комедіи, драмы,
 Оперы, фарсъ и балетъ
 Ставятся въ общія рамы
 Повѣсти множества лѣтъ...

Я доигрался! Я—дома!
 Скроменъ, спокоенъ и правъ,—
 Ножъ и пилу анатома
 Съ вѣтвью оливы связавъ!

15.

Предъ великою толпою
 Музыканты исполняли
 Что-то полное покоя,
 Что-то близкое къ печали;

Скромно плакали гобои
 Въ изліяньяхъ пасторальныхъ,
 Кружевные ліились звуки
 Въ чудныхъ фразахъ музыкальныхъ...

Но толпа вокругъ шумѣла:
 Ей нужны иныя трели!
 Спой ей пѣсню о безумьѣ,
 О поруганной постели;

Дай ей рѣзкихъ полутоновъ,
 Тактомъ тактъ перешибая,
 И она зарукоплещеть,
 Ублажась и понимая...

16.

Порой хотѣлось бы всѣхъ вѣяній весны
 И разноцвѣтныхъ искръ чуть выпавшаго снѣга,
 Мятущейся толпы, могильной тишины,
 И тутъ-же свѣтлыхъ сновъ спокойнагоnochлега!

Хотѣлось бы, чтобы степь вокругъ меня легла,
 Чтобы было все мертвѣ и царственno молчанье,
 Но чтобы въ степи рѣка могучая текла,
 И въ заросляхъ ея звучало трепетанье.

Ущелій Терека и береговъ Днѣпра,
 Парижской толчей, безлюдья Йордана,
 Альпійскихъ ледниковъ живого серебра,
 И римскихъ катакомбъ, и лилій Гулистана.

Возможно это все, но каждое въ свой срокъ
 На протяженіяхъ великихъ разстояній,
 И надо ожидать и надо, чтобы ты могъ
 Направить къ нимъ пути своихъ земныхъ скитаній, —

Тогда какъ помысловъ великимъ волшебствомъ
И полной мощностью всѣхъ силъ воображенья,
Ты можешь все имѣть въ желаніи одномъ,
Здѣсь, подлѣ, вкругъ себя, сейчасъ, безъ промедленья!

И ты въ себѣ самомъ—владыка изъ владыкъ,
Родникъ таинственный—ты самъ себѣ природа,
И міръ души твоей, какъ Божій міръ, великъ,
Но больше, шире въ немъ и счастье, и свобода...

17.

Въ тѣмнотѣ осенней ночи—
Ни луны, ни звѣздъ кругомъ,
Но ослабнувшія очи
Видятъ явственнѣй, чѣмъ днемъ.

Фейерверкъ передъ глазами!
Память вздумала играть:
Какъ бенгальскими огнями—
Начинаетъ въ ночь стрѣлять,—

Синій, красный, снова синій...
Скорострѣльная пальба!
Сколько пламенныхъ въ ней линій,—
Только жить имъ не судьба...

Тамъ, внизу, течетъ Нарова—
Все погасить, все залить,
Даже облика Петрова
Не щадить, не бережетъ,

Загашаетъ... Но упорна
 Память царственной руки:
 Царь ударилъ въ щёку Горна,
 И звучитъ ударъ съ рѣки.

18.

О, какъ я чувствую, когда къ чему-нибудь
Лежитъ душа и страстно увлекается;
Сознанье долга тотъ-же самый путь,
Но только медленно, тихонько, совершаеть!

И долгъ исполнить свой—не то, не то совсѣмъ,
Что чувству вслѣдъ идти. Пускай порывы ложны,
Пусть опрометчивы; въ порывахъ умъ нашъ нѣмъ,
Но подвиги людей и безъ ума возможны.

Въ нихъ что-то высшее руководить душой,
Мученья—ни почемъ, радъ гибнуть въ ореолѣ;
И чувствуетъ душа въ себѣ тотъ самый строй,
Чтѣ чувствовалъ Донской на Куликовомъ полѣ.

19.

Еще покрыты льдомъ живые лики водъ,
И нѣдра ихъ полны холодной тишиною...
Но тронулась весна, и—сколько въ нихъ заботъ,
И сколько суеты проснулось подъ водою!..

Вскрываются нимфей дремавшихъ сѣмена,
И длинный водоросль побѣги выпускаетъ,
И ряска множится... Вотъ, вотъ она, весна,—
Открыла полныи и ярко въ нихъ играетъ!

Запасъ подземныхъ силъ уже давно не спить,
Онъ двигается весь, прикормленъ глубиною;
Онъ воды, въ прозелень окрасивъ, породнить
Съ глубоко теплою небесной синевою...

Ты, старая душа, кончающая вѣкъ,—
Какими ты къ веснѣ пробудишься ростками?
Сплетенья корневищъ потребуютъ просѣкъ,
Чтобы согрѣть тебя весенними лучами.

И въ заросляхъ твоихъ, безмолвныхъ и густыхъ,
Одна надежда есть, одна—на обновленье:
Субботній день къ концу... Послѣдній изъ твоихъ...
А за субботой что? Конечно, воскресенье.

20.

Чуть глянуль жаръ румяного востока;
Всѣ въ домѣ спать и благовѣста нѣть,
Въ косыхъ лучахъ домъ блещеть непривычно,—
Такъ днемъ его не освѣщаетъ свѣтъ.

Послѣднихъ сновъ послѣднія видѣнья
Бѣгутъ, бѣгутъ, готовясь исчезать...
О, если-бъ имъ, хоть одному, запнуться
И въ свѣтлый день дѣйствительностью стать!

21.

Бо́тъ—мои воспоминанья:
Прядь волосъ, письмо, платокъ,
Два обрывка вышиванья,
Два кольца и образокъ...

Но—за теменю былого—
Въ именахъ я съ толку сбитъ.
Кто они? Не дать-ли слова,
Что и я, какъ тѣ, забыть!

Въ этомъ—времени учтивость,
Завершеніе всему,
Золотая справедливость:
Ничего и никому!..

22.

Отъ горизонта поднимаюсь,
Гонима кверху вѣтеркомъ,
Всплываетъ туча, выростаетъ
И воздвигается столбомъ.

Какъ-бы листвою развѣтвляясь,
Сокрывъ отъ глазъ людскихъ зенитъ,
Она чудовищно пальмой
Надъ моремъ блещущимъ висить.

Въ чёмъ правда тутъ? Что несомнѣннѣй:
Играли свѣта въ облакахъ,
Иль облака, иль волны моря,
Иль отблескъ ихъ въ моихъ глазахъ?

И самъ я въ жизни что такое?..
Мнѣ мнится: я одинъ живу,
Весь міръ—мое лишь сновидѣніе,
Моя-же греза—на-яву!

23.

Всегда, всегда несчастливъ былъ я тѣмъ,
 Что всѣ тѣ женщины, что близки мнѣ бывали,
 Смѣялись творчеству въ стихахъ! Былъ духъ ихъ нѣмъ
 Къ тому, чтѣ мнѣ мечтанья навѣвали.

И ни въ одной изъ нихъ, ни мало, никогда
 Не могъ я вызывать отзывчивыхъ мечтаній...
 Не къ нимъ я, радостный, спѣшилъ въ тотъ часъ, когда
 Являлся новый стихъ счастливыхъ сочетаній!

Не къ нимъ, не къ нимъ съ новинкой я спѣшилъ,
 Съ открытою, еще дрожавшою, душою
 И приносилъ цвѣтокъ, что самъ я опылилъ,
 Цвѣтокъ, дымившійся невысохшой росою.

24.

Мельчаютъ, что ни день, людскія поколѣнья!
 Одинъ иль два удара въ нихъ судьбы, —
 Какъ паралитики лишаются движенья,
 Какъ неврастеники являются изступленья,
 И спины ихъ сгибаются въ горбы.

О, сколько хилости и вырожденій съ дѣтства!
 И имъ-то, слабымъ, въ будущемъ грозятъ
 Такія страшныя задачи и наслѣдства
 Особыхъ способовъ и видовъ людоѣдства,
 Какихъ не знали сорокъ лѣтъ назадъ.

Простите, дѣти, нась, преступныхъ передъ вами...
 Природа-мать, призвавъ отцовъ любить,
 Ихъ незамѣтными опутала сѣтями,
 И вы, несчастные, рождались матерями,
 Не знаяшими, какъ вамъ придется жить...

25.

Съ простымъ толкую человѣкомъ...
 Телѣга, лошадь, входъ въ избѣ...
 Хвалю порядокъ въ огородѣ,
 Хвалю оконную рѣзбу.

Все—дѣло рукъ его... Какая
 Въ немъ скромныхъ мыслей простота!
 Не можетъ пошатнуться вѣра,
 Не можетъ вѣ рость пойти мечта.

Онъ тридцать осеней и вѣсенъ
 Къ работѣ землю пробуждалъ;
 Вопросъ о томъ: зачѣмъ все это —
 Въ немъ никогда не возникалъ.

О, какъ жестоко подавляетъ
 Меня спокойствіе єго!
 Обидно, что признанье это
 Не измѣняетъ ничего...

Ему — раёкъ въ театрѣ жизни,
И слезъ, и смѣха простота;
Мнѣ — злобы дня, сомнѣнья, мудрость
И — на вѣсъ золота мѣста!

26.

Слабѣеть свѣтъ моихъ очей,
 Я самъ не свой и я ничай;
 Отвергнутъ строемъ бытія,
 Не знаю самъ: живу-ли я?
 Пѣвецъ! Одинъ лишь ты, пѣвецъ,
 Ты, Бога свѣтлый посланецъ,
 Слѣпцу, когда начнешь ты пѣть,
 Даешь опять на міръ глядѣть...
 Какъ всѣ — живу, какъ всѣ — смотрю
 И вижу море и зарю
 И чуднымъ пѣнiemъ твоимъ
 Живу, какъ всѣ, и равенъ имъ.
 Заслышивъ пѣсни, я воскресаль...
 Жизнь, жизнь, ты — радостный хораль!
 Прозрѣль я и признать готовъ,
 Что люди — этотъ міръ слѣпцовъ —
 Не знаютъ, видѣть не хотятъ,
 Какъ жизни радостенъ нарядъ;
 Какъ мнѣ — ослѣпнуть надо имъ,

Чтобъ въ счастьѣ видѣть имъ не дымъ;
Тогда тебѣ они поймутъ,
Пѣвецъ... Когда ты подгѣ, тутъ
И не ушель, — мнѣ не видать, —
Запой скорѣй, запой опять!
И я повсюду за тобой
Влачиться буду, прахъ земной
Тревожить и благодарить,
И славословить, и молить
Тебя... Но только пой мнѣ, пой!
Взгляни: ты видиши — я слѣпой!

27.

Ты часто такъ на снѣгъ глядѣла,
Дитя архангельскихъ снѣговъ,
Что мысль въ очахъ обледенѣла,
И взглядъ твой холодно-суровъ.

Бѣги! Направься къ странамъ знойнымъ,
Къ морямъ, не смѣвшимъ замерзать:
Онѣ дыханіемъ спокойнымъ
Принудятъ взглядъ твой запылать.

Тогда изъ новыхъ сочетаній,
Гдѣ югъ и сѣверъ въ связь войдутъ,
Возникнетъ міръ очарованій
И въ немъ — кому-нибудь пріютъ...

28.

И вотъ, сижу въ саду моемъ тѣнистомъ
И предъ собой могу воспроизвестъ,
Какъ это будетъ въ часъ, когда умру я,
Какъ дрогнетъ все, что предъ глазами есть.

Какъ полетятъ повсюду извѣщенья,
Какъ потеряетъ голову семья,
Какъ соберутся, вступятъ въ разговоры,
И какъ при нихъ безмолвенъ буду я.

Живыя связи разлетятся прахомъ,
Возникнутъ сразу всякия правы,
Начнется давность, народятся сроки,
Среди сиротъ появится вдова.

Въ тепло семьи дохнѣть морозъ закона,—
Быть-можеть, самъ я вызвалъ тотъ законъ;
Не долженъ онъ, не можетъ ошибаться,
Но и любить—никакъ не можетъ онъ.

И мнѣ никто, никто не поручится,—
Я видѣлъ самъ, и не одинъ примѣръ:
Какъ между близкихъ, самыхъ близкихъ кровныхъ,
Вдругъ проступалъ созрѣвшій лицемѣръ...

И это все, что вѣдѣсь съ такой любовью,
Съ такимъ трудомъ успѣлъ я насадить,
Ему, спокойной, смѣлою рукою —
Призвавъ законъ—удастся сокрушить...

29.

Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ,
И тихо льеть тепло съ лазурной вышины,
И, если память мнѣ въ конецъ не измѣняетъ,
Я въ дѣствѣ раза три не замѣчалъ весны.—

Не замѣчалъ того, какъ мнѣ дышалось чудно,
Какъ мчались журавли и какъ цвѣла сирень...
Десятки лѣть прошли; ихъ сосчитать не трудно,
Когда бы сосчитать не возбранила лѣни!

Не великѣ число! Но собранный годами
Скарбъ жизни такъ великъ, такъ много груза въ немъ,
Что, если-бы грузить—пришлось-бы кораблями,
Водою отправлять, а не инымъ путемъ...

Противорѣчія красотъ и безобразій,
Громадный хламъ скорбей, сомнѣній и обидъ,
Воспоминанія о прелестяхъ Аспазій,
Труды Сизифовы и муки Данайдъ,

„Пѣсни изъ Уголка“.

Мученья Тантала, обманы сына, брата,
Порывы глупостей, подъ-рядъ или въ-разбродъ;
Въ однихъ я шествовалъ на подвигъ Герострата,
Въ другихъ примѣромъ мнѣ являлся Донъ-Кихотъ...

Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ...
Лазурна высь небесь, въ поляхъ ручьи журчатъ...
Какъ много жизнъ людей всего, всего вмѣщаетъ,
И что же за число въ двѣ цифры—шестьдесятъ!...

30.

Когда больной умретъ, и кончится со смертью
Ужасный, длинный рядъ мучительныхъ мытарствъ,
Врачей и фельдшеровъ замѣнить духовенство,
Исчезнетъ всякий слѣдъ сидѣлокъ и лѣкарствъ;

Когда сокроются подъ насыпью могилы,
Какъ призракъ тягостный, какъ отлетѣвшій сонъ,
Лицо поблекшее, морщинистыя руки,
Вся некрасивая обрядность похоронъ,—

Въ девятый день по немъ, вотъ вы когда ступайте
Къ нему, къ умершему, кто для земли угасъ,—
Небытія живымъ, святымъ проникновеніемъ
Увѣковѣченный, онъ станетъ между васъ!

Небытіе — не смерть и не ничто! Не можетъ
Тотъ, кто не возникъ, пройти въ небытіе!
Въ небытіи людей — особый обликъ жизни
И несомнѣнное бессмертіе мое!

31.

Съ высоты горы высокой,
 За рѣкой и вдоль рѣки,
 Въ темнотѣ ночной глубокой
 Видны въ избахъ огоньки;

Много ихъ... Но быстро гаснуть,
 Будто имъ горѣть не впрокъ,
 Будто малыя завѣсы
 Закрываютъ каждый въ срокъ.

Ахъ, горятъ и въ жизни нашей
 Огоньки отъ юныхъ дней!
 Всѣ ихъ къ сроку гасить время...
 Смотришь: больше нѣть огней...

Вотъ завѣшаны надежды,
 Вотъ задвинуты мечты,
 Скрылась бодрость, скрылись силы...
 Огонекъ, да гдѣ-же ты?..

Всё завѣсы да завѣсы;
Всё тѣмнѣеть... А потомъ?
Саванъ бѣлый... Тотъ завѣсить
Человѣка — цѣликомъ.

32.

Воть она — великая трясина!
Ходу нѣть ни въ лодкѣ, ни пѣшкомъ.
Обмотала наши вѣсла тина,—
Зацѣпиться нѣ за что багромъ...

Въ тростникѣ и мглисто, и туманно.
Солнца ликъ — и свѣтель, и высокъ, —
Отраженъ трясиною обманно,
Будто онъ на дно трясины легъ.

Нѣть въ ней дна. Лежать въ листахъ нимфеи,
Островки, луга болотныхъ травъ;
Воть по нимъ пройтись-бы! Только феи
Ходятъ здѣсь, травинокъ не помявшъ...

Всюду утки, дупеля, бекасы!
Бѣешь по уткѣ... взялъ... нельзѧ достать;
Міръ лягушекъ громко точитъ лясы,—
Словно дразнить: «Для чего-жъ стрѣлять?»

Вы, кликуши, вѣція лягушки,
Подождите: вотъ придетъ пора,—
По болотамъ мы начнемъ осушки,
Проберемъ трясину до нутра.

И тогда... Ой, братцы, осторожнѣй!
Не качайтесь... Лодку кувырнѣмъ!
И лягушки раньше насть потопятъ,
Чѣмъ мы ихъ подсушивать начнемъ...

33.

Старый дубъ листвы своей лишился
И стоять умершій надъ межою;
Только вѣтви кажутся плечами,
А вершина мнится головою.

Пріотиъль онъ, будучи при жизни,
Сиротинку-сѣмя, что летало,
Даль ему въ корняхъ найти мѣстечко,
И оно тихонько задремало.

И всползла по дубу павилика,
Мертвый оставъ зеленью одѣла,
Разбрѣла листьями, цвѣтами,
Придала, какъ-будто, обликъ тѣла!

Вѣтерокъ несется надъ межою;
Павилика вѣнчики качаетъ...
Старый дубъ въ обличіи забытомъ
Оживаетъ, право--оживаетъ!

34.

При свѣтѣ трепетномъ лампады въ чась ночной
Идуть умершіе бесѣдоватъ со мной,
И въ скромномъ обществѣ мнѣ близкихъ и родныхъ
Мой духъ смиряется, и сонъ мой будеть тихъ.

Ты, милое дитя, ты, прелестъ, дочь моя,
Когда покончу срокъ земного бытія,
Ты въ чась сомнѣнія, печали, иль любви
Меня, загробнаго, къ совѣту призови!

И я приду тогда, неслышимъ и незримъ!
Я буду пѣстуномъ внимательнымъ твоимъ;
Прохладой тихою тебя я опахну,
Нетлѣннымъ окомъ я въ тайникъ души взгляну,

Я слово ласковое шопотомъ скажу,
Стези невѣдомыя сердцу укажу
И брату моему, недремлющему Сну,
Скажу: «Смѣни меня, а я—опять усну!..»

35.

Если-бъ все, чтò упадаетъ
Серебра съ луны,
Все, чтò золота роняетъ
Солнце съ вишни —

Ей снести... Она-бъ сказала:
«Милый мой піить,
Ты того мнѣ дай металла,
Чтò въ землѣ лежитъ!»

36.

Изъ моихъ печалей скромныхъ,
Не пышны, не высоки,
Вы, непрошены, растете,
Пѣсень пестрые цвѣтки.

Ты въ спокойную минуту
На любой взгляни цвѣтокъ...
Посмотри — въ немъ много правды!
Онъ безъ слезъ взrosti не могъ.

Въ этой пѣснѣ — часть страданій,
Въ этой — долгой ночи страхъ,
Въ этихъ — мѣсяцы и годы...
Все откликнулось въ стихахъ!

Горе сердца — даръ небесный,
И цвѣты его пышны
И куда, куда душистый
Всѣхъ цвѣтовъ оранжерей.

37.

Воды немного, иъ сколько солѣй,
Снабженныхъ слабою, животной теплотою,
Зовется издавна и по-просту слезою...
Но развѣ въ томъ опредѣленье еї?

А тихій вздохъ людской? То—груди содроганье,
Освобожденье углекислоты?!.
Опредѣленія, мутящія сознанье
И полныя обидной пустоты!

38.

Не въ томъ бѣда, что разны состоянья,
 Что во враждѣ бѣднига и богачь,
 Что трудъ неравенъ, неравны призваныя,
 Что есть на свѣтѣ слабый и силачъ!

Всѣ сумасшедши, что быстро такъ плодятся,
 Въ комъ нѣть ума—уходить вглубь больницъ...
 Въ комъ сердца нѣть—тѣмъ радостно кататься,
 Взирать на міръ съ ихъ пышныхъ колесницъ!

Сердецъ раздайте! Чтобъ они стучали
 Во всѣхъ грудяхъ, чтобъ имъ быть полный счетъ,
 Чтобъ тѣ, что есть, въ конецъ не замирали,—
 Чтобъ чувствамъ былъ прямой и полный ходъ.

Съ дѣтей начните! Вотъ откуда надо
 Мѣнять судьбы, дорогу указавъ,
 А не съ параграфовъ законовъ, или ряда
 Уравновѣшеній и раздѣленій правъ.

39.

Нѣть никогда, никто всей правды не узнаеть
Позора твоего земного бытія.
Толпа свидѣтелей съ годами вымираеть
И не по волѣ, нѣть, случайно, знаю я.

Оправдывать тебя—нико миѣ не повѣрить;
Меня сообщникомъ, пожалуй, назовутъ;
Всѣ люди про запасъ, на случай, лицемѣрять
Чтобъ обѣлить себя, виновныхъ выдаютъ!

Но, если глянетъ часъ послѣднихъ показаній,
Когда все бренное торжественно сожгутъ
Пожары всѣхъ міровъ и всѣхъ ихъ сочетаній,—
Людскія совѣсти проступятъ и взойдутъ,

И зацвѣтуть онѣ не дерзко—торопливо,
Не въ дикомъ ужасѣ, всей сутью трепеща;
Нѣть, совѣсти людей проступятъ молчаливо,
Въ глухомъ безмолвіи лишь обликомъ крича!

Тогда увидятся такія вырожденыя,
Что ты—въ единственной, большой винѣ своей—
Проглянешь, въ затхлости посмертнаго цвѣтенья,
Чистѣйшей лиліей, красавицей полей.

40.

Да, да! Всю жизнь мою я жадно собиралъ,
 Что было мило мнѣ! Такъ я друзей искалъ,
 Такъ—памятью былыхъ, полузабытыхъ дней—
 Хранилъ я множество незначащихъ вещей!
 Я часто Плюшкинымъ и Гарпагономъ былъ,
 Совсѣмъ ненужное старательно хранилъ.

Мнѣ думалось, что я не буду сиръ и нагъ,
 Имѣя свой родной, хоть маленький, очагъ;
 Что въ миломъ обществѣ любезныхъ мнѣ людей,
 Въ живомъ свидѣтельствѣ мнѣ памятныхъ вещей
 Себя, въ кругу своеемъ, оть жизни оградивъ,
 Я дольше, чѣмъ я самъ, въ вещахъ останусь живъ;
 И дерзко думалъ я, что мертвому вослѣдъ
 Все это сберегутъ хотъ на немногого лѣтъ...

Что-жъ? Ежели не такъ и все въ ничто уйдетъ,
Въ томъ, видно, суть вещей! И я смотрю впередъ,
Познавъ, что жизни смыслъ и назначенье въ томъ,
Чтобъ сокрушить меня и, мнѣ восьмъдъ, мой домъ,
Что мѣста требуютъ другіе, въ жизнь скользя,
И ствоевывать себѣ свой кругъ—нельзя!

41.

Когда въ семье—психически-больной,
Вы не касайтесь даже стороной
Болѣзни тягостной и всѣхъ ея причинъ,
Чтѣ было поводомъ и въ чемъ ея починъ.

Шутилъ-ли дѣдъ и слѣдомъ шутки той
Явился внукъ психически-больной;
Родной отецъ его жилъ долго, былъ здоровъ,
И только передалъ отъ дѣда слѣдъ грѣховъ?..

Кто знаетъ, какъ, за чей стариинный счетъ
Родился вдругъ въ семействѣ идіотъ
И обеспечены доходности врачей
Въ развитии медленныхъ и злыxъ параличей!

А мы... Не наша-ль общая вина,
Что та иль эта жизнь теперь темна?..
Мы были добрыми и злыми невпопадъ
И, подтолкнувъ съ горы, кричимъ теперь: «Назадъ!»

42.

Все чаще говорить приходится—«забылъ»,
 И все яснѣе мнѣ, что я совсѣмъ «усталъ»;
 Все чаще слышать тѣ, съ кѣмъ говорю—«я былъ»,
 И, что ни день, твержу все чаще—«я желалъ».

Все рѣже сознаю, что «радость ждетъ меня»,
 Совсѣмъ не говорю—«я жажду, я ищу»;
 И въ слабыхъ проблескахъ темнѣющаго дня,
 Оскудѣвающій, надѣюсь и молчу...

43.

А знаете-ли вы, что ясной мысли вслѣдъ
 Идти возможно; тутъ неправды нѣть...
 Идешь какъ-будто-бы на чыхъ-то помочахъ,
 И видится не то, что значится въ очахъ;
 Звучить безмолвное, звучащее—молчитъ,
 И окружающаго нѣть... Вокругъ лежитъ
 Какъ-бы дѣйствительность, міръ нашему чужой,
 Безличный въ личностяхъ, ни мертвый, ни живой...
 И боль физическая можетъ иногда
 Не чувствоватьсь, не давать слѣда...
 Чудесенъ путь по области идей...
 Міръ, явленный на свѣтъ въ восьмой изъ первыхъ дней!
 Ты—внѣ обязанностей, внѣ обычныхъ правъ:
 Ни добръ, ни золь, ни честенъ, ни лукавъ...

 И если-бъ пуля дать отвѣтъ могла,—
 Зачѣмъ она не тутъ, а тамъ и такъ, легла,
 Зачѣмъ стремительно, безъ воли, безъ ума,
 Цѣль раздробивъ, расплюснулась сама,—

Вотъ, думается мнѣ, отвѣтъ ея простой:
«Со мною было то, чтѣ было и съ тобой!
При чѣмъ желанье тутъ—мое, или твое?
Я неповинна... Я—исполнила свое»...

Все чаще, что ни день, чтобы спокойнѣй быть,
Любовно я люблю за мыслю вслѣдъ бродить;
Безмѣрно вѣруя въ живую власть ума
И въ то, что будеть свѣтъ тамъ, гдѣ витаетъ тьма...
Все отвратительно, нѣть правды, нѣть основъ;
Свободна и свѣтла лишь только жизнь умовъ!

44.

Ты не гонись за риёмой своенравной
 И за поэзіей,—нелѣпости онѣ;
 Я ихъ сравню съ княгиней Ярославной,
 Съ зарею плачущей на каменной стѣнѣ.

Вѣдь умеръ князь, и стѣнь не существуетъ,
 Да и княгини нѣть уже давнымъ-давно;
 А все какъ-будто, бѣдная, тоскуетъ,
 И отъ нея не все, не все склонено.

Но это вздоръ, обманное созданье!
 Слова—не плоть... Изъ риемъ одѣждъ не ткать!
 Слова безсильны дать существованье,
 Какъ нѣть въ нихъ таѣже силь на то, чтобы убиватъ...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
 Заря затеплилась; смотрю, стоитъ стѣна;
 На ней, я вижу, ходить Ярославна
 И плачетъ, бѣдная, безъ устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми всю пѣсни, всѣ! Вели имъ замолчать!
Къ чему онѣ? Чтобы людей морочить
И насть, то здѣсь—то тамъ, тревожить и смущать!

Смерть пѣснѣ, смерть! Пускай не существуетъ..
Вздоръ риѣмы, вздоръ стихи! Нелѣпости онѣ!..
А Ярославна всетаки тоскуетъ
Въ урочный часъ на каменной стѣнѣ...

45.

Изъ сокровищницы вѣчной
Душъ людскихъ чтѣ въ нихъ дороже
Черпай ты смѣлый—
И толпѣ, всегда безопасной,
То, что взято изъ нея-же,
Ясно спѣть умѣй!

Всѣ поэты, безъ сомнѣнья,
Всѣ мыслители вселенной—
Длинный рядъ зеркалъ;
Въ нихъ свои-же отраженья
Сонмъ людей рукою тлѣнной—
Лаврами вѣничаль.

46.

Белый мохъ здѣсь поростаетъ
 Вдоль по розовымъ пескамъ;
 Любъ онъ, какъ коверъ персидскій,
 Слабоногимъ старишкамъ.

Воздухъ такъ смолистъ, такъ тонокъ,
 Что почтенный старишокъ,
 Подышавъ имъ, замышляетъ
 Въ плясъ пустить остатокъ ногъ.

Но идетъ немолчно время,
 Что ни сутки—то бойчай,
 Отравляя воздухъ чистый
 Смрадомъ кухонь и печей.

Что-жъ? Иначе быть не можетъ,—
 Воздухъ, какъ и мы, живеть...
 Счастливъ, кто не опаздываетъ
 И отъ чистыхъ струй глотнѣть.

47.

Закрыла осень всѣ пути,
Ручьи умолкшіе застыли,
Сгорѣли тра́вы, полегли...
Онѣ недавно живы были.

Ну, память! Ты въ правѣ вступай
И изъ нѣмыхъ воспоминаній
Былого лѣта выдвигай
Черты живыхъ произрастаній!

Пусть въ тьмѣ рождественскихъ ночей,
Передъ духовными очами,
Мысль глянетъ всходами полей,
И побѣгутъ мечты ручьями.

48.

Ни слава яркая, ни жизни мишурा,
 Ни кисти, ни рѣзца бессмертныхъ красоты,
 Ни золотые дни, ни ночи серебра
 Не въ силахъ иногда согнать съ души дремоты.

Но, если съ дѣтскихъ лѣтъ забывшійся напѣвъ
 Коснется нѣжданно притулленного слуха,—
 Даютъ вдругъ яркій цвѣтъ, чудесно уцѣлѣвъ,
 Остатки прежнихъ силъ надломленного духа.

Совсѣмъ ребячесkie, старые тонà,
 Наивность словъ простыхъ, давнымъ-давно извѣстныхъ,
 Зовутъ прошедшее воспрянуть ото сна,
 Явиться въ обликахъ живыхъ, хоть безтѣлесныхъ.

И счастье прежнихъ дней, и яркость прежнихъ силъ,—
 То именно, что въ нась свершило все земное,
 Вдругъ изъ таинственно открывшихся могиль
 Сквозь пѣсню высится: знакомое, живое...

49.

Я помню, помню прошлый годъ!
 Чуть вечеръ спустится, бывало,
 Свирѣль чудесная звучала,
 Закатъ пылавшій провожала,
 Встрѣчала розовый восходъ.

Короткой ночи текстъ любовный
 Ей вдохновеніемъ служилъ;
 Онъ такъ ласкалъ, онъ такъ плѣнилъ,
 Онъ такъ мнѣ близокъ, близокъ быль—
 Совсѣмъ простой, немногословный.

Свирѣль замолкша, гдѣ ты?
 Гдѣ ты, пѣвецъ мой безымянный,
 Быть-можеть, неба гость желанный,
 Печальный здѣсь, а тамъ избранный
 Жилецъ небесной высоты?

Тебѣ не надобно свирѣли!
И что тебѣ, счастливець, въ ней,
Когда, виѣ зорь и виѣ ночей,
Ты понялъ смыслъ иныхъ рѣчей
И міровыя слышшишь трели..

50.

Нѣтъ, никогда и никакою волей
 Алтарь поэзіи насильно не зажечь,—
 Молчатъ, какъ мертвые, ея святые звуки,
 И не струится огненная рѣчь.

Зато порой, изъ мелочи, изъ вздора,
 Совсѣмъ изъ ничего, въ природѣ, иль въ мечтѣ,
 Родится невзначай едва замѣтный обликъ
 И рвется онъ къ добру и красотѣ.

И вотъ тогда, возникнувъ непонятно
 Во снѣ, на гульбищѣ, въ работѣ, что томитъ,—
 Незримый духъ какой-то силой тайной
 Святой огонь нежданно запалить.

Могучій вихрь подниметъ въ сердцѣ пламя!
 Въ полетѣ дерзостномъ отъ тлѣнья отрѣшонъ,
 Парить свободно онъ, такъ царственно-высоко,—
 Что нѣтъ ему ни граней, ни препонъ.

Не уловить счастливаго мгновенья,
Не закрѣпить его словами,—умереть
Чистѣйшей искрѣ той, въ часъ просвѣтлѣнья духа
Не дать огня, не вспыхнуть и не тлѣть.

51.

Во снѣ мучительномъ я долго такъ бродилъ,
Кого-то я искалъ, чего-то добивался;
Я переплылъ моря, пустыни посѣтилъ,
Въ скалахъ карабкался, на торжищахъ скитался...

И сталъ предъ дверью я открытою... За ней
Какой-то мягкий свѣтъ струился издалѣка;
Отъ створовъ падали столбы большихъ тѣней;
Ступени вверхъ вели, и, кажется, высоко!

Но чтѣ за дверью тамъ, впередъ какъ ни смотри—
Не видишь... А за мнай—земного міра тѣни...
Миѣ голосъ слышался... Онъ говорилъ: «Умри!
И можешь ты тогда подняться на ступени!..»

И смыло я пошелъ... И началъ замирать...
Ослѣдли, чутъ вошелъ я въ полный свѣтъ, зѣвицы,
Я Ѵначе прозрѣль... Какъ? Радъ-бы передать,
Но нѣть пригодныхъ струнъ и нѣть такой цѣвицы!..

52.

Въ молчаньи осени ссыпаются листы,
Въ вѣтвяхъ являются нежданные просвѣты,—
 И незамѣченные прежде силуэты,
 И новыя вдали красивыя черты...

Не то-же-ль и съ душой людскою?—Вѣчно споря
 Съ невзгодами судьбы, осилена тщетой,
 Лишь только въ холодѣ—и немощи, и горя—
 Вдругъ небывалою заблещеть красотой!..

53.

Мощь съверныхъ лѣсовъ въ сугробахъ и наносахъ,
Въ прозрачной темени, одѣтой въ снѣгъ хвой,
Какъ явствуютъ въ тебѣ, въ безгласности великой,
Могучей жизненности раннія струи!

Да, только здѣсь, у насть, гдѣ смерть лѣса объяла
На долгій, долгій срокъ, гдѣ нѣть иной судьбы,
Въ февральскомъ холодѣ, во мглѣ, уже замѣтенъ
Пушистый бархатецъ проснувшейся вербы!

Да, только здѣсь, въ снѣгахъ полуночного лѣса,
Въ объятыхъ холода и мертвай тишины
Способны оживать такъ рано насажденія
Тепла душевнаго и внутренней весны!

54.

Твой умъ силёнъ, спокоенъ, крѣпокъ
И слишкомъ жизнью закаленъ,
Чтобъ могъ онъ быть мечтой источенъ
И ходомъ думъ изборожденъ.

На немъ, въ блужданьяхъ осѣдая,
Смыслъ отвлеченнѣйшихъ началъ,
Ложится подверху узоромъ,
Но въ глубину не проникаль;

Когда-бы иначе—давно-бы
Свою ты пѣсенку пропѣлъ,
И за рѣшеткой, подъ призоромъ,
Въ исканы истины сидѣлъ!

Давно-бы ты, умалишенный,
Имѣлъ свой нумеръ на листѣ—
Бессильный, но не побѣжденный,
Въ путахъ къ добру и красотѣ!

Кому-же хочется въ потомство перейти
 Въ обличьи старика! Слѣдами разрушеній
 Помѣчены въ лицѣ особые пути
 Излишествъ и нужды, довольства и лишеній.
 Я старъ, я некрасивъ... Да, да! Но, Боже мой,
 Вѣдь это-же не я!.. Нѣть, въ обликѣ особомъ,
 Несокрушаемомъ ни временемъ, ни гробомъ,
 Который нѣкогда я признавалъ за свой,
 Хотѣлось-бы мнѣ жить на памяти людской!
 И кто-жъ бы не хотѣлъ? Особыми чѣтами
 Мы обрисуемся на множество ладовъ—
 Въ разсказахъ тѣхъ дѣтей, что будутъ стариками,
 Въ запискахъ, въ очеркахъ, за длинный рядъ годовъ.

И ты, красавица, не названная мною,—
 Я много, много разъ писаль твои черты,—
 Когда послѣдній часъ ударить надъ землею,

Съ умершихъ сдвинутся и плиты, и кресты,—
Ты, какъ и я, проявишься нежданно,
Но не старухою, а на зарѣ годовъ...
Нелѣшымъ было бы и безконечно странно—
Селить въ загробный міръ старухъ и стариковъ.

56.

Сказаль бы я такъ много, много;
 Но не успѣю,—срокъ мнѣ дань!
 Коротокъ день, узка дорога
 И такъ громаденъ караванъ...

Оставить многое придется...
 А жаль!.. Хорошая есть кладь...
 Не всѣмъ на свѣтѣ удаётся
 Все,—что хотѣлъ-бы кто,—сказать...

Вотъ отчего краснорѣчивы
 Молчанья кладищъ!.. Невпопадь,
 Не въ срокъ засѣянныя нивы,—
 Онѣ, подъ спудомъ дней молчатъ.

Но изъ безмолвнаго общенья
 Жильца земли съ жильцомъ могилъ
 Не разъ шли первыя движенья
 Неудержимо мощныхъ силъ...

57.

Когда-то, подлѣ Вавилона,
Дерзнули башню воздвигать,
Чтобъ жить внѣ Божьяго закона
И волнъ потопа избѣжать.

И башни нѣть! Весь слѣдъ развѣянъ;
Богъ перепуталъ языки...
Былъ человѣкъ самонадѣянъ:
Гдѣ жизнь цвѣла—лежать пески...

Теперь смѣшились не языки,
Нѣть, сбились помыслы людей—
Одни другимъ невнятны, дики...
И обезпеченъ ростъ степей.

58.

Какъ въ рубинахъ яркихъ—вокругъ кусты малины;
 Листъ смородинъ черныхъ весь благоухаетъ;
 Въ тепломъ блескѣ солнца съ бархатной низины
 Молодежи говоръ звучно долетаетъ.

Почему-то,—право, я совсѣмъ не знаю,—
 Сцену вдругъ изъ Гёте вижу предъ глазами!
 Праздникъ, по веселью въ людяхъ, замѣчаю!
 Молодежь гуляетъ... въ парочкахъ... толпами...

Въ юности счастливой смѣхъ причинъ не ищеть...
 Кончена обѣдня, церкви дверь закрыта,—
 Вижу, ясно вижу: черный пудель рыщетъ...
 Это—Мефистофель? Гдѣ-же Маргарита?

Юность золотая, если-бы ты знала,
 Что невозвратимо волшебство минуты,
 Что въ твоемъ грядущемъ радостей такъ мало,
 Что въ конецъ осилить долгой жизни путы,—

Ты была-бъ спокойнѣй... Можно-ль такъ смѣяться,
Возбуждая зависть старшихъ поколѣній!
Берегла-бъ ты силы,—очень пригодятся,
Чуть настанутъ годы правды и сравненій...

59.

Надъ осокой вѣтеръ пролетаетъ,
Говорить ей: «Отчего, скажи, осока,
Твой народъ себя совсѣмъ не уважаетъ,
Предо мной всегда склоняется глубоко?»

«Чуть подую, вижу: ты ужъ и пригнулась...
Дуль я съ сѣвера, подумалъ: дуну съ юга,—
Можетъ статься, помогу, чтобы встрепенулась;
Раболѣпствуешь, быть-можеть, отъ испуга!

«Нѣть, куда! Легла къ водѣ съ другого бока;
Не-въ-догадъ тебѣ мое благодѣянье...
Ахъ, ты глупая, ты глупая осока,
Ты беспомощное, жалкое созданье!»

Слушала осока, глубоко вздохнула,
Отвѣчаетъ вѣтру: «Вѣтеръ-благодѣтель,
Буде ваша милость вовсе-бы не дула,
Я росла-бы прямо, стройно! Богъ—свидѣтель,

«Что моихъ нижайшихъ, вѣчныхъ поклоненій
Не было-бы вовсе у меня въ заводѣ;
Я стояла-бы выше всякихъ треволненій—
Съ уваженьемъ къ правдѣ и къ своей породѣ!»

60.

Полдень прекрасенъ. Въ лазури
Малаго облачка нѣть,
Даже и тѣни прозрачны,—
Такъ удивителенъ свѣтъ!

Вѣтеръ тихонько шевѣлить
Листьевъ подвижную сѣть,
Топчется, будто, на мѣстѣ,
Мыслить: куда полетѣть?

Онъ, направленья мѣня,
Думаетъ думу свою:
Шкваломъ-ли мнѣ разразиться,
Или предаться нытью?

61.

На конѣ брабантскомъ плотномъ
 И въ малиновой венгеркѣ—
 Часто видѣлъ я дѣвицу
 У отца на табакеркѣ.

Съ пестрой свитой на охотѣ
 Чудной маленькой фигурой
 Рисовалася дѣвица
 На эмали миньатюрой.

Табакерку заводили
 И пружинку нажимали,
 И охотники трубили,
 И собакъ со своръ спускали.

Лѣсь былъ живъ на табакеркѣ;
 А дѣвица все скакала
 И меня бѣжать за нею
 Чуднымъ взглядомъ приглашала.

И готовъ я былъ умчаться
 Всльдъ за нею — полонъ силы —
 Хоть по небу, хоть по морю,
 Хоть сквозь вѣчный мракъ могилы...

А теперь вотъ здѣсь, недавно,—
 Полстолѣтья миновало,—
 Я опять дѣвицу видѣлъ,
 Какъ въ лѣсу она скакала.

И за ней, какъ топцій призракъ,
 Съ котелкомъ надъ головою
 Истягался на лошадкѣ
 Баринъ, свѣсясь надъ лукою.

Я, дѣвицу увидавши,
 Всльдъ ей бѣшено рванулся,
 Вспыхнувъ злобою и местью...
 Но, едва вскочиль, запнулся...

Да, не шутка полстолѣтья...
 Есть всему границы, мѣрки...
 Пусть ихъ скачутъ котелочки
 За дѣвицей съ табакерки!..

62.

Право, не больше чѣмъ въ подлчаса времени
Горы и лѣсь очутились въ снѣгахъ, —
Будто-бы все населилось маркизами
Въ пудрѣ, въ косичкахъ, въ большихъ парикахъ.

Что было въ осень поломано, выжжено,
Садь, что мѣстами раскопанъ и взрыть,
Даже кусты и деревья умершіе
Всѣ поюнѣли и бодры на видъ.

Славное время маркизовъ! Подъ пудрою,
Подъ париками — скрывались года,
Всѣ были юны... Толкуютъ, что, будто-бы,
Модамъ — судьба воскресать иногда...

63.

Ты любишь его всей душою,
И вамъ такъ легко, такъ свѣтло...
Зачѣмъ-же упрямствомъ, порою,
Свое ты туманишь чело?

Зачѣмъ безпричинно, всечасно
Ты радости портишь сама
И доброе сердце напрасно
Смущаешь злорадствомъ ума?

Довольствуйся тѣмъ, что возможно!
Повѣрь: вамъ довольно всего,
Чтобъ, тихо живя, нетревожно
Не ждать, не желать ничего...

64.

Нѣть, вербѣ, ты опоздала,
Только къ марта цвѣтъ дала,—
Знай, моя душа съзмала,
Впечатлительнѣй была!

Гдѣ-же съ ней идти въ сравненье!
Не спросяясь календаря,
Я весны возникновенье
Ясно слышу съ января!

День подростъ и сталъ длиннѣе...
Ледъ скололи въ ѣбаны...
Снѣгъ глубокъ, но сталъ рыхлѣе...
Плачутъ крыши съ вышинь...

Пишутъ къ праздникамъ награды...
Нѣть, вербѣ, повѣрь мнѣ, нѣть:
Вешнимъ днамъ мы раньше рады,
Чѣмъ пускаешь ты свой цвѣтъ!

65.

Гуляя въ сіянъѣ заката,
 Чуть видную тѣнь я кидалъ,
 А мѣсяцъ — въ блистаніи злата —
 Навстрѣчу ко мнѣ выплывалъ.

Съ двухъ разныхъ сторонъ освѣщаемъ,
 Я думалъ, что былъ окруженъ
 Тѣмъ міромъ, что нами не знаемъ,
 Гдѣ нѣтъ ни преградъ, ни сторонъ!

Подъ теплою, мягкою чернью
 Въ листвѣ опочившихъ вѣтвей,
 Сіяла роса мелкой зернью
 Недвижныхъ, холодныхъ огней.

Мнѣ вспомнились чувства былыхъ:
 Поль-вѣка назадъ я любилъ
 И два очертанья живыхъ
 Въ одномъ моемъ сердцѣ носилъ.

Стоцвѣтныя чувства свѣтились,
И быль я блаженствомъ богатъ...
По двою во мнѣ не мирились.
И мѣсяцъ погасъ, и закатъ!

66.

Условно все. Когда темнѣеть
 Рѣка и льдины такъ черны,—
 Не трауръ въ этомъ! Сердце мѣеть
 Въ сознаныи близости весны.

Когда навстрѣчу разрушеню
 Холодный трупъ позеленѣлъ;—
 То тутъ не вызовъ къ возрожденю,
 А смерти бѣдственнай удыль.

А если пурпурною краской
 Пылаютъ щеки, плечи, грудь,—
 Врачъ говоритъ, взглянувъ съ опаской:
 «Болѣзнь смертельна... Будь что будь!»

А взрывъ чудовищнаго смѣха,
 И блескъ веселья по лицу—
 Порой предсмертная потѣха
 Безумца, близкаго къ концу...

Слеза, питомица печали,
Безмолвный гость тоски глухой...
Скажите: развѣ не видали,
Какъ плачутъ съ радости порой?

Условно все! Въ путяхъ скитаній
Земныхъ—условностей не счасть,
Не вѣрь въ значенье предсказаній
И признавай лишь тѣ, что есть.

67.

Нельзя, не отъ всѣхъ предубѣждений
Я и понынѣ отрѣшень!
Но все свободнѣй сердца гений
Отъ всѣхъ обязокъ и пелѣнь.

Блѣднѣеть всякая условность,
Мельчаетъ смыслъ въ любой борьбѣ...
Въ душѣ великая готовность
Свободной быть самой въ себѣ;

И въ этой правдѣ—не слажавость,
Не праздный звукъ красивыхъ словъ.
А вольной мысли величавость
Подъ лязгомъ всѣхъ земныхъ оковъ...

68.

Любо мнѣ, чутъ съ вечерней зарей
Солнце, ликъ свой къ землѣ приблизая,
Взгляды искоса въ рощу бросая,
Сыплеть въ корни свой свѣтъ золотой;

Багрянистой парчой одѣваетъ
Листьевъ матовый, блѣдный исподъ...
Это—очень не часто бываетъ,
И вечернее солнце—не ждетъ.

69.

Мой прудъ, онъ съ утра разрисованъ,
На немъ арабески, штрихи;
Онъ весь покраснѣлъ и алѣеть
Въ опавшихъ сережкахъ ольхи.

Давно-ли въ оттаявшихъ льдинахъ
Глядѣлъ онъ такъ скучно, мертвѣ!
Теперь и безъ вѣтра онъ дышетъ...
То рыбки колеблять его.

70.

Помню: какъ-то разъ мнъ снился
Генрихъ Гейне на балу;
Разливалося веселье
По всему его челу...

Говорилъ онъ дамѣ:—«Дама,
Я прошу на польку вѣсть!
Балъ блестяще! Но вы такъ блѣдны,
Взглядъ вашъ, будто-бы, погасъ!

— Ахъ, простите!—я припомнилъ:
Двадцать лѣтъ, какъ вы мертвы!
Обращусь къ сосѣдкѣ вашей:
Вальсъ со мной идете-ль вы?

— Боже мой! И тутъ ошибка!
Десять лѣтъ тому назадъ,
Помню, вѣсь мы хоронили;
Устарѣль на вѣсь нарядъ.

— Ну, такъ къ третьей... На мазурку!—
Ясно вамъ: кто я такой?»

— Какъ-же, вы—вы Генрихъ Гейне:
Вы скончались вслѣдъ за мнай...

И неслись они по залѣ...
Шуменъ, весель быль салонъ...
Какъ, однако, милы пляски
Перешедшихъ Рубиконъ!..

71.

Съ какимъ глубокимъ уваженьемъ
Стой подъ этимъ склепомъ я:
Тутъ длинный рядъ почившихъ предковъ
Хранить нѣмецкая семья.

О! Если-бъ только люди знали,
Какой счастливый въ томъ залогъ,
Чтобъ не разбрасывать имъ мертвыхъ,
Чтобъ ихъ живой замѣтить могъ,—

Чтобъ приближаться къ нимъ порою
И въ ихъ покоѣ отдыхать,
Искать молитвы, иль молиться,
И знать, гдѣ намъ самимъ лежать.

Вотъ хоть-бы тутъ! Вполнѣ здоровый.
Живой сознанье бодрыхъ силъ,
Вѣдь я, совсѣмъ помимо воли,
Охваченъ жизнію могиль.

Я слышу ясно, какъ тихонько
Въ душѣ моей, сквозь ихъ покой,
Родится въ чувствѣ уваженія
Хорошихъ чувствъ счастливый строй...

72.

Могучей силою богаты
 За долгий, тяжкий зимний срокъ,
 Набухли почки, красноваты,
 И зарумянился лѣсокъ.

А на горахъ замѣтны всходы,
 Покровы травокъ молодыхъ,
 И въ нихъ—красивые разводы
 Веснянокъ нѣжно-голубыхъ.

Плыту на лодкѣ. Разбиваю
 Весломъ остатки рыхлыхъ льдовъ,
 И къnimъ я злобу ощущаю—
 Къ слѣдамъ подтаявшихъ оковъ.

И льдины боятся и ныряютъ,
 Мѣшаютъ весламъ, въ дно стучать;
 Подводный хоры! Онѣ пугаютъ,
 Остановить меня хотятъ!

А я весь—блескъ! Я весь—спокоенъ...
Но одинокъ, какъ-будто, я...
Одинъ я въ полѣ—и не воинъ...
Мнѣ нужно пѣсню соловья!

73.

Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ,
 Везувій мнѣ въ глаза дымилъ,
 Я вдоль по тундрѣ Бессемельной—
 Вездѣ оленями—скользить.

Я слышалъ много водопадовъ
 Различныхъ силь и вышины,
 Ревъ мѣдныхъ трубъ въ калмыцкой стѣпи.
 Въ Байдарахъ—тихій звукъ зурны.

Я постыгъ въ дѣсахъ Урала
 Потемки страшныхъ рудниковъ,
 Бродилъ вдоль щелей и проваловъ
 По льдамъ Швейцарскихъ ледниковъ.

Я рѣзаль трупы съ анатомомъ,
 Въ наукахъ много зналь свѣтиль,
 Я испыталъ въ моряхъ крушенье,
 Я дни въ вертепахъ проводилъ...

Я говорилъ порой съ царями;
 Глубоко падаль и вставалъ;
 Я Богу пламенно молился,
 Я Бога страстно отрицалъ;

Я зналъ нужду, я зналъ довольство,—
 Любиль, страдалъ, взrostиль семью
 И— не скажу, чтобы бѣзъ страха—
 Порой встрѣчалъ и смерть свою.

Я видѣлъ варварскія казни,
 Я видѣлъ ужасы труда;
 Я никого не ненавидѣлъ,
 Но презиралъ—почти всегда.

И вотъ теперь, на склонѣ жизни,
 Могу порой совѣтъ подать:
 Какъ меныше пользоваться счастьемъ,
 Чтобъ легче и быстрѣй страдать.

Здѣсь изъ бревенчатаго сруба,
 Въ пескахъ и соснахъ «Уголка»,
 Гдѣ мирно такъ шумитъ Нарова,
 Задача честнымъ быть легка.

Ничто, ничто мнѣ не указка,—
 Я не ношу веригъ земли...
 Съ моихъ высокихъ кругозоровъ
 Все приижается вдали.

74.

Порою между насъ пророки возникаютъ,
Совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ думаете вы,
Ихъ въ этотъ міръ вѣщать не стеши посылаютъ,
Сіяные не блестить съ избранный головы.

Нѣть въ нали дни у насъ пророковъ по призванью,
Имъ каждый можетъ быть,—пустыня не при чемъ;
Вдругъ замѣчается—въ противность ожиданью—
Огонь, свѣщаційся на томъ или другомъ.

Ничтожнѣйшій изъ насъ въ минуту ту, иль въ эту,
Пророкомъ можетъ быть; случайно онъ постигъ
Большую истину, и онъ вѣщасть свѣту...
Знать, огненный къ нему съ небесъ сошелъ языкъ.

И скажетъ онъ свое, и быстро замолкаетъ,
И, бѣдный, можетъ-быть всю жизнь свою прождетъ:
Вотъ, вотъ сойдетъ языкъ, вновь пламя заиграетъ...
И, въ ожиданіи, онъ, чающій, умретъ...

75.

Великъ запасъ событій разныхъ
И въ настоящемъ, и въ быломъ;
Историкъ въ лѣтописяхъ связныхъ
Живописуетъ ихъ перомъ.

Не меныше ихъ необозримы
Природы дивныя черты,
Онъ поэтомъ уловимы
При свѣтѣ творческой мечты.

Но больше, больше безъ сравненья,
Пестрѣе тѣхъ, живѣй другихъ
Людскаго духа воплощенья
И бытія сердецъ людскихъ.

Онъ—причина всѣхъ событій,
Онъ—природы мысль и взглядъ,
Въ нихъ ткань судебъ—съ основой нитей
Гнилыхъ и ветхихъ заурядъ...

76.

Разъ одинъ изъ фараоновъ
Скромный домъ мой посѣтилъ;
Онъ, входя, косякъ у двери
Длиннымъ схентомъ зацѣпилъ.

Безподобная фигура!
Весь величественно—грубъ,
Поражалъ онъ яркимъ цвѣтомъ
Красной краски страстныхъ губъ.

Хрустнулъ стулъ, чуть онъ усѣлся;
Разговоръ у насть пошелъ
На различные предметы:
Какъ онъ съ Гиксомъ войны вель,

Какъ онъ взысканъ быль богами,
Какъ онъ миловалъ, казнилъ,
Какъ плотинами хотѣлъ онъ
Укротить священный Ниль,

Какъ любилъ онъ страстно женщинъ... •
 Чтобы свободнѣй говорить,
 Попросилъ меня онъ двери
 Поплотнѣе затворить.

И пошелъ онъ, и пошелъ онъ...
 Ощущаю въ сердцѣ страхъ
 Повторять все то, что слышалъ
 При затворенныхъ дверяхъ.

Удивительное сходство
 Съ нами!... Та-же все канва:
 Изъ временъ «Декамерона»
 И дѣянья, и слова!

77.

Помню: я дерево въ землю сажаль;
Птичій концертъ по кустамъ грохоталъ!
Ежели листья теперь такъ шумяТЬ,
Это—тѣ пѣсни опять голосяТЬ.

Въ чуткую, смутную душу твою,—
Чуть только пѣсню свою запою,—
Мысли о счастьи, какъ зерна, кладу...
Каждое шепчетъ: «Въ свой срокъ я взойду!»

Вѣтеръ несется могучій...
 Груди такой не сыскать!
 Мѣста ей надо—сломаетъ
 Все, что придется сломать!

Сосны навстрѣчу! Недвижны
 Розовой грудью стволовъ...
 Знать: грудь на грудь! Такъ и нужно!
 Въ мірѣ обычай таковъ...

Кто-то въ той свалкѣ уступить?
 Спрячься за камни: не трусь!
 Можетъ-быть, камни придушатъ,
 Сгинешь... а я сохраниюсь!

79.

Жачается лодка на цѣпи,
 Привязана крѣпко она,
 Чуть движется на привязи вѣтеръ,
 Чуть слышно колышеть волна.

Охъ, хочется лодкѣ на волю,
 На волю, въ невѣдомый путь,
 И свернутый парусъ расправить,
 И выставить на-вѣтеръ груды!

Но цѣпь и крѣпка, и не ржава,
 И, если судьба повелитъ—
 Поплыть, то не цѣпь оборвется,
 А треснувшій бортъ отлетить.

80.

Сказочку слушаю я,
 Сказочка—радость моя!
 Сколько ужъ, сколько вѣковъ
 Тканями этихъ-же словъ
 Ночи въ таинственный часъ
 Дѣтскихъ сомкнулся глазы!
 Жизнь наша, сказки быстрый,
 Насъ обращаетъ въ дѣтей.

Слышу о зломъ колдунѣ...
 Воть онъ—въ лѣсу при огнѣ...
 Чудная фея добра
 Блещетъ въ лучахъ серебра...
 Множество замысловъ злыхъ,—
 Фея разрушила ихъ...
 И колдуна больше нѣть!
 Только и въ ней меркнетъ свѣтъ...

Лѣсь, что куда-то пропалъ,
Вдругъ очарованный, всталъ...
Вотъ и колдунъ на печи...
Сказка! Молчи-же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей...

81.

Нынче годъ цвѣтенья сосенъ:
Всѣ покрылись сѣдиной,
И побѣги, будто свѣчи,
Щеголяютъ прямизной;

Что ни вѣтка—проступаетъ
Воска блѣднаго свѣча...
Вотъ-бы ихъ зажечь! Любая
Засвѣтила-бъ—горяча!

Сколько, сколько ихъ по лѣсу;
Цвѣтень пылью порошить!
Только кто, чутъ ночь настанетъ,
Эти свѣчи запалить?

Низлетятъ-ли гости съ неба
Часть молитвы озарить?
Иль колдуны вздуютъ пламя
Въ дикой оргіи свѣтить...

Все равно! Но только-бы свѣта,
Свѣта мнѣ—со всѣхъ вѣтвей!
Только-бы что-нибудь поярче,
Что-нибудь—повеселѣй!

82.

Припай льда все море обрамляютъ;
 Вдали видны буранъ и толчей,
 Но громы ихъ ко мнѣ не долетаютъ,
 И ясно слышу я, чтѣ говорить хвоя.

Та рѣчъ важна, та рѣчъ однообразна,—
 Едва колеблетъ длинный рядъ стволовъ,
 Въ своемъ теченіи величава, связна
 И даже явственна, хоть говорить безъ словъ.

Въ ней не замѣтно знаковъ препинаній,
 Въ ней все одно, великое одно!
 Въ живыхъ струяхъ безсчетныхъ колебаній
 Поетъ гигантское, какъ міръ, веретено.

И убаюканъ лаской и любовью,
 Не слыша стоновъ плачущей волны,
 Я, какъ дитя, склоняюсь къ изголовью,
 Чтобъ отойти туда, гдѣ обитаютъ сны.

83.

Въ древней Греціи бывалъ
Состязанья красоты;
Старики въ нихъ засѣдали,
Старики—какъ я да ты.

Дочь твоя—прямое диво,
Проблескъ розовой зари;
Все въ ней правда, все красиво...
Только—ей не говори!..

Запахъ мирры благовонной,
 Сладкий шепотъ тишины,
 Лепеть струнки полусолнной
 Въ освѣщеніи луны;

Голосъ арфы, трель свирѣли,
 Шумъ порханья мотыльковъ,
 Иль во дни Святой недѣли
 Дальній звонъ колоколовъ...

Вотъ тѣ тонкія основы,
На которыхъ, можетъ-быть,
Можно было-бѣ ткать покровы —
Красоту ея прикрыть.

84.

Его портретъ лѣтъ тридцать только
Тому назадъ—былъ всѣмъ знакомъ!
Блестящеій умъ, значеніе въ людяхъ,
Успѣхъ въ дѣлахъ, богатый домъ...

Теперь нещадно затерялось
Былое пестрое его,
И—быстро, быстро тьмой покрыто—
Оно безслѣдно и мертво!

И только здѣсь!.. Случайно какъ-то,
Забавой нѣсколькихъ минутъ,
Ничтожный даръ его богатства
Былъ кинутъ имъ—возникъ пріютъ...

Въ немъ, со стѣны, еще глядитъ онъ,
И имя здѣсь сохранено...
И въ страшный часъ,—о, да, безспорно,—
Свой ясный откликъ дасть оно...

85.

Совсѣмъ примѣрная семья!
 Порядокъ, миръ... Чѣмъ не отрада?
 Но отчего вдругъ вспомнилъ я
 Странничку изъ судебъ Царьграда:

По лицу мертваго царя
 Гуляютъ кистью богомазы,
 И сурикъ, на щекахъ горл,
 Румянить крупные алмазы;

Наведена улыбка губъ,
 Заштукатурены морщины...
 А все-же это—только трупъ
 И лицевая часть картины!

86.

Какъ ты чиста въ покоѣ ясномъ,
 Въ тебѣ понятья даже нѣть
 О лживомъ, злобномъ или страстномъ,
 Чѣмъ такъ тревоженъ бѣлый свѣтъ!

Какъ ты глупа! Какой равниной
 Раскинутъ міръ души твоей,
 На ней вершинки—ни единой,
 И нѣть ни звуковъ, ни тѣней...

87.

Вы побѣлѣли, кладбища граниты;
Ночная оттепель тепломъ дохнула въ васъ;
Какъ пудрой бѣлою, вы инеемъ покрыты
И бѣлымъ мраморомъ глядите въ этотъ часъ.

Другая пудра и другія силы
Подъ мраморъ красять кудри на челѣ...
Ужъ не признать-ли теплыми могилы
Въ сравненіи съ жизнью въ холодѣ и мглѣ?

88.

Воть съ крыши первые потёки
 При наступлениі весны!
 Они—что писанныя строки
 Въ снѣгахъ великой бѣлизны.

Въ нихъ начинаютъ проявляться
 Весенней юности черты,
 Которымъ быстро развиваются
 Въ теплѣ и въ царствѣ красоты.

Въ нихъ—пробужденіе подъ спудомъ
 Еще не явленныхъ москей,
 Что день—то будеть новымъ чудомъ
 За чудодѣйствіемъ ночей.

Всѣ струйки маленькихъ потёковъ—
 Безумцы и бунтовщики,
 Онѣ замерзнутъ у истоковъ,
 Не добѣжать имъ до рѣки...

9*

Но скоро, скоро дни настанутъ,
Освобожденные отъ тьмы!
Тогда бунтовщиками станутъ
Слѣды осиленной зимы;

Послѣдней вьюги злые стоны,
Послѣдній ледъ... А по полямъ
Побѣдно глянуть анемоны,
Всѣ въ серебрѣ—на зло снѣгамъ.

89.

Мои мечты—что лѣсь дремучій,
 Внѣ климатическихъ преградъ,
 Въ немъ—пальмы, ели, тернъ колючій,
 Исландскій мохъ и виноградъ.

Лѣсь полны кикиморъ рѣзвыхъ шутокъ,
 Въ немъ лѣшій вкривъ и вкось ведеть;
 Въ немъ есть всѣ измѣненія сутокъ
 И годовой круговоротъ.

Но нѣть у нихъ чередованья,
 Законы путаются зря:
 Вдругъ въ полдень—мѣсяца мерцанье,
 А въ полночь—яркая заря!

90.

Мысли погасшія, чувства забытыя—
 Муміи бѣдной моей головы,
 Въ бѣлые саваны смерти повитыя,
 Можетъ-быть, вовсе не умерли вы?
 Жизни былой молчаливыя муміи,
 Время Египта въ прошедшемъ моемъ,
 Здравствуйте, спящія въ тихомъ раздуміи!
 Къ вамъ я явился свѣтить фонаремъ.
 Вижу... какъ, вглубь пирамиды положены,
 Всѣ вы такъ тихи, такъ кротки теперь;
 Складки на васъ шевельнулись, встревожены
 Вѣтромъ, пахнувшимъ въ открытую дверь.
 Всѣ вы взглянули на гостя нежданнаго!
 Слушайте, муміи, дайте отвѣтъ:
 Если-бы жить вамъ случилося за-ново—
 Иначе жили-бы вы? Да, иль нѣтъ?
 Нѣтъ мнѣ отвѣта! Безмолвны свидѣтели...

Да и къ чему на вопросъ отвѣтать?
Если-бъ и вправду онъ мнѣ отвѣтили—
Что-жъ бы я сдѣлалъ, чтобы снова начать?
Въ праздномъ, смѣшномъ любопытствѣ назрѣвшіе,
Странны вопросы людскіе порой...
Вотъ отчего до конца поумнѣвшія
Муміи—дружно молчатъ предо мной!
Блещетъ фонарь надъ безмолвными плитами...
Все, чтѣ я чую вокругъ—забыть!
Сводъ потемнѣль и обросъ сталактитами...
Въ нихъ каменѣеть и сердце мое...

91.

О, будь въ сознанъѣ правды смѣль...
Ни ширмъ, ни звѣсей не надо...
Какъ волны дантовскаго ада
Полны страданій скорбныхъ тѣлъ,—
Такъ и у насть своя картина...
Но только нѣть въ ней красоты:
Людей заткала паутина...
Въ ней боятся всѣ—и я, и ты...

92.

Ты подарилъ мнѣ лучшую изъ книгъ—
 Евангелье! Но миновали годы,
 Коснулись книги всякия невзгоды,
 Я добылъ новую. И снова ты возникъ,
 Ты—подарившій первую когда-то...
 Давно ты умеръ; все забвеньемъ взято,
 Но въ памяти моей, для сердца, для меня
 Ты живъ въ сіянні таинственного дня!
 Такихъ таинственостей въ мірѣ духа много,
 И въ каждой видится какая-то дорога...
 Умру и я въ свой срокъ. Но, можетъ, этотъ стихъ,
 Безъ самопомощи, безъ воли, безъ отваги,
 Проживъ годѣ на лоскуткѣ бумаги,
 Дойдетъ до новыхъ дней и до людей иныхъ...
 Безсмертье будетъ въ томъ,—безъ имени, конечно...
 Однако можетъ быть, что за могилой, тамъ,
 Не будетъ смысла личнымъ именамъ,
 Но каждый будетъ жить собой и безконечно...

93.

Какое дѣло имъ до горя моего?
Свои у нихъ, свои томленья и печали!
И что имъ до меня и что имъ до него?..
Они, повѣрьте мнѣ, и безъ того устали.
А что за дѣло мнѣ до всѣхъ печалей ихъ?
Пускай имъ тяжело, томительно и больно...
Мѣнять грузъ одного на грузъ десятерыхъ,
Конечно,—не разсчетъ, хотя и сердобольно.

94.

Всюду ходятъ привидѣнья...
Появляются и тутъ;
Только всѣ они въ доспѣхахъ,
Въ шлемахъ, въ панцыряхъ снуютъ.

Было время,—вдоль по взморью
Шедшимъ съ запада сюда
Грознымъ рыцарямъ Нарова
Преградила путь тогда.

«Дочка я рѣки Великой,—
Такъ подумала рѣка,—
Не спугнуть-ли мнѣ пришельцевъ,
Не помять-ли имъ бока?»

«Стойте, братцы,—говорить имъ,—
Чуть впередъ пойдете вы,
Глянетъ къ вамъ сквозь льды и выюги,
Страшный ликъ царя Москвы!»

«Онъ, схизматикъ—за стѣнами!
Сотни, тысячи звонницъ
Вкругъ гудятъ колоколами,
А народъ весь прахомъ—ницъ!

«У него-ль—не изувѣрства,
Всякой нѣчисти просторъ;
И повсюдный вѣчный голодъ,
И всегдашній страшный морь.

«Не ходите!» Но пришельцамъ
Мудрый былъ не впрокъ совѣтъ...
Шли до Яма и Копорья,
Видятъ—точно, ходу нѣтъ!

Все какія-то видѣнья!
Изъ трясинъ лѣсовики
Насѣдаются, будто черти,
Лѣзутъ на смерть, чудаки!

Какъ подъ Дурбэномъ эстонцы
Не сдаются въ плѣнъ живѣмъ
И, совсѣмъ не по уставамъ,
Варомъ льютъ и кипяткомъ.

«Лучше сѣсть намъ надъ Наровой,
На границѣ выюгъ и пургъ»
Сѣли и прозвали зѣмки—
Магербургъ и Гунгербургъ.

Съ тѣмъ прозвали, чтобы внуки
Вновь не вздумали идти
Къ худобѣ и къ голоданью
Вдоль по этому пути.

Старыхъ рыцарей видѣнья
Ходять здѣсь и до сихъ поръ,
Но для легкости хожденья—
Ходять всѣ они безъ шпоръ...

95.

Вдоль Наровы ходятъ волны;
 Противъ солнца—огоньки!
 Волны будто что-то пишутъ,
 Набѣгая на пески.

Тянемъ тоню; груzenъ неводъ;
 Онъ по дну у насъ идетъ
 И захватить все, чтò встрѣтить,
 И съ собою принесеть.

Тянемъ, тянемъ... Что-то будетъ?
 Окунь, щука, сигъ, лосось?
 Иль щепа одна да травы,—
 Незадача, значитъ, брось!

Ближе, ближе... Замѣчаемъ:
 Что-то грузное въ мотнѣ;
 Какъ барахтается, бьется,
 Какъ мутить песокъ на днѣ.

Вотъ всплеснула, разметала
 Воду; всѣхъ насы облила!
 Моря синяго царица
 Въ нашемъ неводѣ была:

Засверкала чешуею
 И короной золотой,
 И на насъ на всѣхъ взглянула
 Жемчугомъ и бирюзой!

Всѣ видали, всѣ слыхали!
 Всѣ до самыхъ пять мокры...
 Если-бъ взяли мы царицу,
 То-то-бъ шли у насъ пиры!

Значить, сами виноваты,
 Недогадливый народъ!
 Поворачивайте воротъ,—
 Тоня новая идетъ...

И—какъ тоня вслѣдъ за тоней—
 За мечтой идетъ мечта;
 Хороша порой добыча
 И богата—да не та!..

96.

По берегамъ рѣки холодной,—
Ей скоро на зиму застыть,—
Въ глубокихъ сумеркахъ, наносныхъ
Тончайшихъ льдинъ не отличить.

Вдругъ—снѣгъ. Мгновенно забѣлѣла
Стремнина тамъ, гдѣ ледъ стоялъ,
И бѣлымъ кружевомъ по черни
Снѣгъ берега разрисовалъ.

Не такъ-ли въ людяхъ? Сердцемъ добрымъ
Они, какъ-будто, хороши...
Вдругъ случай—и мгновенно глянетъ
Весь грустный трауръ ихъ души...

Стою я съ ужасомъ у гроба!
 Безумье многихъ лѣтъ навѣкъ
 Въ немъ успокоилось, и можно
 Сказать опять: «Се человѣкъ!»

Сынъ подлѣ гроба! Сколько сходства
 Въ лицѣ! Читаю ясно въ немъ:
 «Скорѣй-бы кончить съ погребенiemъ
 И пиръ задать, провѣтривъ домъ!..»

Какая ночь убийственная, злая!
Бушует ветер, в окна градъ стучить;
И тьма вокругъ надвинулась такая,
Что въ ней фонарь едва-едва блестить.

А ночь порой красотами богата!
Да, гдѣ-нибудь нѣть вовсе темноты,
Есть блескъ луны, есть прелести заката
И полный ходъ всѣмъ чаяньямъ мечты.

Тьма — не вездѣ. Здѣсь чья-то злая чара!
Ее согнать, повѣрь, подъ силу мнѣ:
Готовы струны, ждеть моя гитара,
Я пѣть начну о звѣздахъ, о лунѣ.

Онѣ всплынутъ. Мы озаримся ими —
Чѣмъ гуще тьма, тѣмъ будетъ пѣснь яснѣй,
И въ градъ, и въ вихрь раскатами живыми
Зальется въ пѣснѣ вешній соловей.

99.

Какъ эти сосны древни, величавы,
И не одну имъ сотню лѣтъ прожить;
Ударить молнія! У неба злые нравы,
Судьба рѣшить: имъ именно — не быть!

Весна въ цвѣтахъ; и яблони, и сливы
Всѣ разодѣты въ бѣлыхъ лепесткахъ.
Морозъ ударить ночью! И не живы
Тѣ силы ихъ, что зресть могли въ плодахъ.

И Гретхенъ шла—полна святого счастья,
Полна невинности, безъ мысли о тюрьмѣ, —
Но глянуль блескъ проклятаго запястья,
И смерть легла и въ сердцѣ, и въ умѣ...

100.

Ты тутъ жила! Зимы холодной
Покровъ блистаетъ серебромъ;
Калитка, ставшая свободной,
Стучить изломаннымъ замкомъ.

Я старъ! Но развѣ я мечтами
О томъ, какъ здѣсь встрѣчались мы,
Не въ силахъ самъ убрать цвѣтами
Весь этотъ снѣгъ глухой зимы?

И развѣ въ старости печальной
Всему прошедшему не жить?
И ни единой музыкальной,
Хорошей думы не сложить?

О, нѣтъ! Мечта полна избытка
Воспоминаній чувствъ былыхъ...
Вотъ, вижу, лѣто! Вотъ калитка
На петляхъ звякаетъ своихъ.

Люньской ночи стрекотанье...
И плескъ волны у береговъ...
И голосъ твой... и обожанье,—
И нѣтъ зимы... и нѣтъ снѣговъ!

101.

Сегодня въ церковь не пошелъ я,
Но я въ саду моемъ ходилъ
И грустный слѣдъ полночной бури,
Насколько можно, удалилъ.

Срѣзаль поломанныя вѣтви,
Деревья павшія срубалъ
И обнаженные кореня
Землею свѣжей присыпалъ.

Да, это—видъ богослуженья!
Казалось: церкви звонъ, дрожа,
Сопровождалъ, какъ литургію,
Труды лопаты и ножа.

И, такъ какъ праздникъ былъ въ то время
Одинъ изъ лучшихъ по веснѣ,
Въ кустахъ акаеистъ птицы пѣли,
Безличный, но понятный мнѣ...

102.

Твоя слеза меня смущила...
 Но я, клянусь, не виновать!
 Страшна условий жизни сила,
 Стеною обычай стоять.

Совсемъ не въ силу убѣжденья,
 А въ силу нравовъ, иногда
 Всплываютъ грустныя явленья,
 И люди гибнутъ безъ слѣда,

И ужасающая драма
 Родится въ трескѣ фразъ и словъ
 Несуществующаго срама
 И намалѣванныхъ оковъ.

103.

Высокъ гуляетъ вѣтеръ,
Шевелить концы вѣтвей...
Сильфъ воздушный, сильфъ прекрасный,
Вѣй, красавецъ, шибче вѣй!

Тамъ тебѣ просторъ и воля;
Всюду, всюду — свѣтлый путь!
Только книзу не спускайся,
Не дыши въ людскую грудь.

Станешь ты тоскою груzenъ,
Станешь вяль, лишившись сна;
Грудь людская, будто улей,
Злыkhъ и острыхъ жаль полна...

И тебя, мой сильфъ воздушный,
Не признать во цвѣтѣ лѣть;
Побывавъ въ болящей груди,
Обратишься ты въ скелеть;

Отлетѣвъ, въ вѣтвахъ застрянемъ
Сочлененными костями...
Не спускайся на земль, вѣтеръ,
Вѣй, мой сильфъ, но выше вѣй!..

104.

Хакъ рѣбки вы и какъ ничтожны, —
Ни воли нѣть, ни силы нѣть...
Не примѣнить-ли къ вамъ, на случай,
Сельско-хозяйственный совѣтъ?

Любой, любой хозяинъ знаетъ:
Чтобы травѣ пышнѣй расти —
Ее скосить необходимо
И, просушивъ, въ стога свезти...

105.

«Пара гнѣдыхъ», или «Ночи безумныя»,
 Яркія пѣсни полночныхъ часовъ, —
 Пѣсни такія-жъ, какъ мы, неразумныя,
 Съ трепетомъ, съ дрожью больныхъ голосовъ!..

Что-то въ вѣсѣ есть безконечно хорошее...
 Въ вѣсѣ отлетѣвшее счастье поетъ...
 Словно весна подойдетъ подъ порошкою,
 Въ сердцѣ—истома, въ душѣ—ледоходъ!

Тайные встрѣчи и оргіи шумныя,
 Грусть... неудача... пропавшіе дни...
 Любимъ мы, любимъ вѣсѣ, пѣсни безумныя:
 Ваши безумія нашимъ сродни!

Нѣтъ, не могу! Порой отвсюду,
Во тьмѣ ночной и въ свѣтѣ дня,
Какъ крики совѣсти Иуды—
Мечты преслѣдуютъ меня.

Въ чаду какого-то кипѣнья,
Несеть волшебница дрова,
Кладеть въ костеръ, и пѣснопѣнья
Родятся силой колдовства!

Сгораетъ связь межъ мной и ими,
Я становлюсь имъ всѣмъ чужой...
И предъ созданьями своими
Стою съ поникшей головой...

Не обострай своихъ страданій,
Не разжигай своей мечты!
По жизни, въ долгій срокъ скитаній,
Въ свой часъ ихъ много встрѣтишь ты.

Тебѣ такъ часто, такъ глубоко
Придется силу ихъ познать,
Что, право, лучше ихъ до срока
Не разжигать, не обострять!

108.

Было время, въ оны годы,
 Къ этимъ тихимъ берегамъ
 Приплывали финикійцы,
 Пробираясь къ янтарямъ.

Янтари въ пескахъ лежали...
 Что янтарь—смола одна,
 Финикійцы и не знали;
 Эта мудрость намъ дана!

И теперь порой, гуляя
 Краемъ моря, я смотрю:
 Не случится-ль мнѣ по счастью
 Подобраться къ янтарю.

Говорить мнѣ какъ-то море:
 «Не трудись напрасно, другъ!—
 Если ты янтарь отыщешь,—
 Обратиши его въ мундштукъ.

«Онъ отъ горя потускнѣть...
 То-ли, было, напримѣръ,
 Попадать на грудь, на плечи
 Древне-греческихъ гетеръ!..

«Отыщи ты мнѣ гетеру,
 А курить ты перестань,
 И тогда тебѣ большую
 Янтаремъ внесу я дань».

Съ той поры хожу по взморью,
 Финикийцемъ жажду быть,
 Жду миѳической гетеры,
 Но—не въ силахъ не курить...

109.

Ночь ползеть изъ травы, изъ кустовъ;
Чуть погаснетъ закатъ, проступаетъ;
Нѣть плотины тѣнямъ, нѣть оковъ:
Тѣнь возникшую тѣнь нагоняетъ.

И, соткавшись въ глубокую тьму,
Въ темной жизни своей веселятся;
Чтѣ и какъ—не узнатъ никому,
Но на утро цвѣты расплодятся!

110.

Я знаю кладбище. Съ годами
 Остатки камней и крестовъ
 Стоять застывшими волнами
 Въ подушкахъ мягкихъ, сочныхъ мховъ.

Они—какъ волны—безымянны
 И только изрѣдка, порой,
 Возникнетъ новая могила
 Поименованной волной...

Читаешь имя... какъ-то странно!
 Въ немъ ипросьба будто-бы слышна,
 Борьба послѣдняя съ забвеньемъ,
 Но... прекратится и она!

111.

На гробъ старушки я дряхлѣющей рукой
 Кладу вѣнокъ цвѣтовъ,—вниманье небольшое!
 Въ продажѣ терпій нѣть, и нужно-ль предъ толпой,
 Не знающей ея, свидѣтельство такое?

Тѣ люди отошли, въ которыхъ ты жила;
 Ты такъ-же, какъ и я, скончаться опоздала;
 Волна твоихъ людей давно ужъ отошла,
 Но гордо высилась въ свой срокъ и сокрушила.

Упала та волна предъ юною волной
 И подъ нее ползетъ безсильными струями;
 Въ нихъ—еле видный слѣдъ той гордости былой,
 Что пѣнилась, гремя могучими кряжами.

Никто, никто теперь у гроба твоего
 Твоей большой вины, твоихъ скорбей не знаетъ,
 Я знаю, я одинъ... Но этого всего
 Мнѣ некому сказать... Никто не вопрошаетъ.

Года прошедшіе—морскихъ песковъ нанося!
Злорадство устаетъ, и клевета нѣмѣеть;
И нѣть свидѣтелей, чтобъ вызвать на допросъ,
И некого судить... А смерть—забвеньемъ вѣтъ!

112.

Здравствуй, товарищ! Подай-ка мнъ руку.
 Что? Ты отдернуль? Кажись, осерчалъ?
 Глянь на мою,—нѣть ей мѣста въ гостиной;
 Я, братъ, недаромъ кустарникъ сажалъ.

Старый товарищ! Печальная встрѣча!..
 Какъ искалъченъ ты жизнью, бѣднякъ!
 Ну-ка, пожалуй въ мой домъ, горемыка...
 Что? Не желаешь? Не любо! Чудакъ!

Выпьемъ съ тобой... Какъ? И пить ты не хочешь?
 Просишь на вышивку на-руки дать;
 Темное чувство въ тебѣ шевельнулось?..
 Что за причина, чтобъ мнъ отказать?

Гордость? Стыдливость? Сомнѣніе? Злоба?
 Коль потолкуемъ—причину найду...
 Да не упрямься, мы юность помянемъ,
 Дочку увидишь мою...—«Не пойду».

И отошелъ онъ по пыльной дорогѣ,
Денегъ онъ взялъ, не сказавъ ничего...
Разныхъ два мѣра въ насть двухъ повстрѣчались...
Камнемъ бы бросить... Кому и въ кого?

113.

Съ моря сердитаго въ малый заливъ забѣжавъ.
Въ тихомъ спокойствіи я очутился;
Лодку свою между острыхъ камнѣй привязавъ,
Слушая бурю, въ раздумьи забылся...

Какъ хорошо, прекративъ неоконченный споръ,
Мирно уйти изъ буруновъ сомнѣнья,
Руки сложить, ни себѣ, ни другимъ не въ укоръ,
Тихо качаясь на зыби мышленья...

~ ~ ~ ~ ~

114.

Я вѣрю старому преданью,
 Я вѣрю въ блескъ надеждъ живыхъ;
 Я въ долгій вѣкъ, бѣжавъ за ними,
 Лишился многихъ благъ земныхъ.

Я вѣрю въ то, что неподвижно
 Безсмертье вѣчной красоты,
 Что шумъ мірской проходитъ мимо,
 Со славы—сыплются листы!

Что есть въ мышленьяхъ наказанье,
 Что сбить съ дороги умъ людской,
 Что міръ погибнетъ безобразьемъ
 И возродится—красотой!

115.

Мнѣ улыбаться надоѣло,
Улыбка на другихъ—претитъ!
Она лицо, что помертвѣло,
Совсѣмъ не кстати молодить.

Она настолько-же правдива,
По суті столько-же мелка,
Какъ умъ, величіе и храбрость
Въ лицѣ китайскаго божка.

116.

Меня въ загробномъ мірѣ знаютъ,
 Тамъ много близкихъ, тамъ я—свой!
 Они, я знаю, ожидаютъ...
 А ты и здѣсь, и тамъ—чужой!

«Ему нѣть мѣста между нами»,—
 Вольны умершіе сказать,—
 «Мы всѣ, да, всѣ, живемъ сердцами,
 «А онъ? Ему гдѣ сердце взять?

«Ему здѣсь будетъ несподручно,
 «Онъ слишкомъ дерзокъ и уменъ;
 «Жить въ томъ, что осмѣять онъ—скучно,
 «Онъ не захочетъ быть смѣшонъ.

«Все имъ поруганное—видѣть,
 «Что отрицаль онъ—осязать,
 «Безъ права лгать и ненавидѣть
 «Въ необходимости—молчатъ!»

Ты предвкуси такую пытку:
Жить внѣ злословья, внѣ витийствъ!
Тамъ не подрѣжетъ Парька нитку,
Не можетъ быть самоубийства!

Въ неисправимости былого
Подъ гнетомъ страшнаго ярма,
Ты, бѣдный, не промолвишь слова
И тамъ—не здѣсь—сойдешь съ ума!

117.

На сценахъ царскія палаты
 Вдругъ превращаютъ въ лѣсъ и долъ;
 Часть ташутъ кверху за канаты,
 Другую тянутъ внизъ, подъ полъ.

Весной такъ точно льдины таютъ:
 Отчасти ихъ лучъ солнца пьетъ,
 Отчасти въ глубь земли сбываются,
 Шумя ручьями теплыхъ водъ!

Знать, съ нась примѣръ береть природа:
 Чтобъ измѣнить черты лица
 И поюнѣть къ цветеню года—
 Весну торопить въ два конца...

118.

Чуть тронулись вешнія почки,
Открылся и глянулъ мой прудъ;
Любовно воркууютъ лягушки,
Но скоро и квакать начнутъ.

Минуютъ часы вожделѣній
И вешней любви суета,—
Наступить пора треволненій
И съ жизнью въ болотѣ счета.

Бѣднягамъ заквакать придется
О нуждахъ великихъ земли,
О томъ, о другомъ, о десятомъ...
Понятно: летять журавли!

119.

Въ конецъ окружены туманомъ прежнихъ дней,
 Все неподвижнѣй мы, въ желаньяхъ тяжелѣй;
 Все ѹже горизонтъ, беззвучнѣе мечты,
 На все спускаются завѣсы и щиты...

Глядишь въ прошедшее, какъ въ малое окно;
 Тамъ все такъ явственно, тамъ все озарено,
 Тамъ свѣтять тысячи таинственныхъ огней;
 А тутъ—совсѣмъ темно и, что ни часъ, темнѣй...

Весь свѣтъ прошедшаго какъ-бы голубоватъ.
 Цвѣтъ взглядовъ юности! Давно погасшій взглядъ!
 И самъ я освѣщенъ сіяніемъ зари...
 Заря въ свершившемся! Любуйся и смотри!..

Какъ ясно чувствую и какъ понятно мнѣ,
 Что жизнь была полнѣй въ той свѣтлой сторонѣ!
 И что за даль видна за маленькимъ окномъ—
 Въ моемъ свершившемся, чарующемъ, быломъ!

Въдь я тамъ былъ въ свой часъ, но я не сознавалъ.
И слышу ясно я—мнѣ кто-то прошепталъ:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотрѣть!
Но—чтобъ туда пройти—ты долженъ умереть!»

120.

О! какъ я люблю порою,
 Утомившись разсуждать,
 Надъ болтливою рѣкою
 Посидѣть и помолчать!

Затихаетъ шумъ сомнѣній,
 Примиряется разладъ;
 Нѣть вопросовъ—нѣть рѣшеній!
 Жизнь проста, я жизни радъ.

Счастливъ я вблизи природы—
 Устраненъ въ себѣ самомъ,
 Внѣ неволи, безъ свободы
 И съ немыслившимъ умомъ.

121.

Травка всюду зеленѣеть
 Чуть, замѣтна, чуть видна!
 Солнце блещеть! Вдругъ—блѣдѣть
 Снова снѣга пелена!

Въ крупныхъ хлопьяхъ выпадаетъ
 Снѣгъ. Но блещеть неба высы!
 Будто ихъ лазурь роняетъ...
 И откуда вдругъ взялись?

И на каждомъ—солнце блещеть,
 Въ каждомъ искоркой горить;
 Каждый, весь въ свѣту, трепещетъ
 И скорѣй упасть спѣшить!

Подлѣ церкви снѣгъ кружится,
 Липнетъ, къ стекламъ занесенъ,—
 Или вздумалъ снѣгъ молиться?...
 Знать, бѣду почуялъ онъ!

122.

Я помню ночь. Мы съ ней сидѣли.
 Вдругъ—теплый дождь! Въ лучахъ луны
 Всѣ капли въ немъ зазеленѣли,
 Струясь на землю съ вышины.

Зажглась заря. Вновь упадая,
 Всѣ капли ярко разожглись
 И, въ блескѣ утреннемъ пылая,
 Дождемъ рубиновъ пронеслись.

Гдѣ эта ночь съ ея значеньемъ?
 Гдѣ годы тѣ? Гдѣ взять её?
 И самъ живу я подъ сомнѣньемъ:
 Остатокъ днѣй—не бытіе...

123.

Все на свѣтѣ, все безспорно,—
 Стòить только захотѣть,
 Вдохновенію покорно,
 Можетъ пѣть и будеть пѣть.

Камни, мхи, любовь и злоба,
 Время, море, лучъ луны,
 Смерть и сонъ—и врознь, и оба—
 Будутъ пѣть и пѣть должны.

Пѣсни—дѣти мысли нашей,
 Удивительный народъ!
 Все становится въ нихъ краше,
 Если въ плоть ихъ перейдетъ.

Тканью слова облекаясь
 Въ помышлениі людей,
 Жизнь природы, удвояясь,
 Кажеть лучше и полнѣй.

И поетъ въ нась пѣсня вѣчно!
Какъ?—Никто постичь не могъ...
Богъ поэзіи, конечно,
И живой, и мощный Богъ!

124.

Соловья живыя трели
 Въ свѣтлой полночи гремятъ,
 Въ чувствахъ—будто акварели
 Прежнихъ, свѣтлыхъ, дней скользять!

Рядъ свиданій, рядъ прощаній,
 Рядъ божественныхъ ночей,
 Чудныхъ ласкъ, живыхъ лобзаній...
 Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Греми волнами трелей!
 Можетъ-быть, на зло уму,
 Эти грэзы акварелей
 Я за правду вдругъ приму!

Пой! Теперь еще такъ рано,
 П полночь только-что прошла,
 И сейчасъ изъ-за тумана,—
 Вотъ сейчасъ,—она звала...

125.

Въ лиственной чашѣ шумливо,
Если пахнѣть вѣтерокъ;
Шепчетъ по-своему живо,
Каждый—да, каждый—листокъ.

Но не сравнить съ этимъ шума,
Ежели дрогнетъ хвой!
Въ каждой иглѣ—своя дума,
Въ каждой—и пѣсня своя...

Пѣсни тѣ звучны и сладки!
Радостнымъ чувствомъ объять,
Слушаешь, ищешь разгадки:
Что тебѣ иглы шумятъ?

Пѣсень тѣхъ—тѣмы, мириады,
Сверху звучать, со стороны!
Тысячи ротиковъ рады
Пѣть, но съ тобой въ унисонъ.

Воть оттого-то средь шума
Вѣчно зеленої хвой
Тихо такъ движаетъ дума
Свѣтлыя волны свои...

126.

Эта злая буря пронеслась красиво—
 Налетѣла быстро, быстро и пропала;
 Ясный день до бури, ясный—всльдъ за нею,
 Будто этой бури вовсе не бывало.

Но она промчалась далеко не даромъ:
 Умертвила сѣсу многовѣковую,
 Повалила наземь, обнажила корни...
 Плѣчу я надъ нею, глубоко тоскую!

Ну, такъ усыхайте, дѣственныя корни!
 Нѣть, не пережить вамъ, корни, обнаженья!
 Ты, хвоя, разсыпься пожелтѣлымъ прахомъ,—
 Ты вѣдь не осилишь злого приниженья!

Плачь, душа, плачь горько, по соснѣ убитой!
 Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...
 Это—надъ собою самъ хозяинъ плачетъ...
 Говорять, что бури этой было нужно!..

127.

Заря пройдетъ, заря вернется
 И—въ безучастности своей—
 Не можетъ знать, какъ сильно бьется
 Больное сердце у людей.

А чтобы заря не раздражала,
 Своихъ огней для нась не жгла,
 Пускай-бы по свѣту лежала
 Непроницаемая мгла!

Что день грядущій? Что былое?
 Все прахъ, все кончится въ пылѣ,—
 А запахъ мирры и алоэ
 Сойдеть съ небесъ на трупъ земли:..

128.

Опять Христосъ! Что Онъ межъ нами,
 Что каплетъ кровь съ Его креста
 На насъ, здѣсь, подлѣ, предъ глазами,
 Не видѣть—злая слѣпота!

Христосъ вездѣ! Въ скитаньяхъ духа,
 Въ незнаныи—гдѣ Ты, Богъ живой?..
 Въ обманахъ мысли, взгляда, слуха,
 Въ гордынѣ мудрости людской!

Онъ—страждеть въ грубости желаній,
 Въ страданьяхъ хилыхъ и больныхъ,
 Въ ужасной музикѣ рыданій
 Безсчетныхъ горестей людскихъ.

Онъ—у безвѣдно-прокаженныхъ,
 Онъ—въ толчѣ дурныхъ страстей,
 Онъ—въ грёзахъ мыслей воспаленныхъ
 И даже въ творчествѣ людей.

Крестъ—у безвременной могилы;
Крестъ—въ безобразы дикихъ сновъ
И въ нерѣшительности силы,
И въ тяжкомъ звязаны оковъ...

Да, снова чуются пророки...
Подточенъ всякий идеалъ...
Горятъ евангельскія строки:
«Я къ вамъ прийду!» Онь долго ждалъ...

129.

Бѣжитъ по краю неба пламя,
 Блеснули под морю огни,
 И дня поверженное знамя
 Вновь водружается... Взгляни!

Сбѣжали тѣни всякихъ пугалъ,
 И гномовъ темныя толпы
 Сыскали каждая свой уголъ,
 И всѣ они теперь слѣпы;

Не дрогнетъ листъ, и надъ травою—
 Ни дуновенья; посмотри,
 Какъ все кругомъ блеститъ росою
 Въ священнодѣйствіи зари.

Душа и небо—единенъемъ
 Объяты—нѣкій гимнъ поютъ,
 Служа другъ другу дополненъемъ...
 Увы! на нѣсколько минутъ.

130.

Я помню ужась смерти этой...
 Сильна была любовь моя...
 Какъ я къ усопшей, къ неотпѣтой,
 Ходилъ въ тѣ дни—не помню я.
 Но помню страстное желанье
 Все, что имѣлъ тогда—отдать,
 Чтобъ дорогое очертанье
 Въ нетлѣнномъ камнѣ извалять,
 Въ путинахъ ада или рая
 Ее я высльдить хотѣлъ...
 Я заболѣлъ! Весь смыслъ теряя,
 Мой дикий бредъ—перегорѣлъ.
 И что-жъ? Гдѣ вы, тѣхъ дней миражи?
 Прошли года—мой духъ живой,
 Не совершивъ у смерти кражи,
 Забылъ о цыткѣ огневой.
 И вотъ—портретъ съ ея чертами!..
 Но холода моя душа...
 Гляжу спокойными очами
 И говорю: «Какъ хороша!..»

131.

Какъ думы мощныхъ скаль, къ скаль и отъ скалы,
 Въ лучахъ полуденныхъ проносятся орлы;
 Въ расщелинахъ дубовъ и камней рождены,
 Они на краткій срокъ огнемъ озарены—
 И возвралцаются отъ свѣтлыхъ облаковъ
 Во тьму холодную родимыхъ тайниковъ,—

Такъ и мои мечты взлетаютъ въ высоту...
 И вижу, что ни день, убитую мечту!
 Все ту-же самую! Размѣры мощныхъ крылъ,
 Размахъ ихъ виденъ весь!.. Но кто окровянилъ
 Прострѣленную грудь? Убитая мечта,
 Она—двуглавая: добро и красота!..

132.

Лѣсь густой; за лѣсомъ—праздникъ
 Здѣшнихъ мѣстныхъ поселянъ:
 Клики, гулъ, обрывки рѣчи,
 Тучи пыли—что туманъ.

Видно издали—мелькаютъ
 Люди... Не понять-бы намъ,
 Если-бы не знать причины:
 Пляска, или драка тамъ?

Тѣ-же самыя сомнѣнья
 Были-бѣ въ мысляхъ рождены,
 Если-бѣ издали, случайно
 Глянуть въ жизнъ со стороны.

Праздникъ жизни, бойня жизни,
 Клики, говоръ и туманъ...
 Непонятное верченье
 Краткосрочныхъ поселянъ.

133.

Славный снѣгъ! Какая роскошь!..
 Все, что осень обожгла,
 Обломала, сокрушила,
 Ткань густая облегла.

Эти свѣтлые покровы
 Шиты въ мѣрку, въ самый разъ,
 И чаруютъ бѣлизною
 Къ сѣрой мглѣ привыкшій глазъ.

Неспокойный, рѣзкій вѣтеръ,
 Онъ—закройщикъ и портной—
 Срѣзаль все, что было лишнимъ,
 Свѣяль на землю долой...

Крѣпко, плотно сшилъ морозомъ,
 Искрь навѣяль безъ числа...
 Платье было-бѣ безъ износа,
 Если-бѣ не было тепла,—

Если-бъ оттепель порою,
Разрыхляя ткань снѣговъ,
Какъ на зло, водою талой
Не распарывала швовъ...

184.

Повиснуль хмель съ жердей забора,
 И снасть съ рѣки убралъ рыбакъ;
 Въ остаткахъ прежняго убora
 Лѣсь замолчавшій полунагъ.

Какъ длинны сумерки! Какъ мѣлы
 Просвѣты неба. Въ облакахъ
 Нѣть жизни и лежать устали
 Въ другъ дружку давящихъ слояхъ.

И въ людяхъ бытіе любое,
 Когда приблизится разсчетъ,
 И все почти уйдетъ въ былое—
 Такой-же обликъ намъ даетъ.

А тамъ придетъ гробокопатель,
 Предвѣстникъ смерти—сѣдина!..
 Ты красишь волосы, пріятель...
 Какая чудная весна!

Какъ на свѣчку мотыльки стремятся
И, пожегши крылья, умираютъ,—
Такъ его безчувственную душу
Тѣни мертвыхъ, молча, окружаютъ.

Нѣть уликъ! А самъ онъ такъ спокоенъ;
Съ юныхъ лѣтъ въ довольствѣ очерствѣлый,
Смѣло шелъ онъ по широкой жизни
И идетъ, красиво посѣдѣлый.

Онъ срывалъ однѣ лишь только розы,
Цвѣтъ срывалъ, шиповъ не ощущая;
Въ чудный панцырь правъ своихъ закованъ —
Съяль онъ страданья; не страдая.

О, Господь! Да гдѣ-же справедливость?
Божья месть! Тебя не обрѣтаютъ!
Смолкли жертвы, ихъ совсѣмъ не слышно,
Но зато — свидѣтели рыдаютъ...

136.

Юность напрасно отъ старшихъ сторонится!
Старшіе — кроткій, хороший народъ...
Больше надеждъ нами въ землю хоронится,
Чѣмъ въ колыбеляхъ младенцевъ цвѣтеть!

137.

Во мнѣ спокойно спать гиганты,
 Тѣ, что вступали съ небомъ въ бой:
 Ветхозавѣтные пророки,
 Изida съ птичьей головой;

Спать тѣ, что видѣли Агдору
 И посѣщали Пританей,
 Тѣ, что когда-то покрывали
 Багряной сѣнью Колизей;

Почиютъ рати крестоносцевъ,
 Славянскій сонмъ богатырей,
 И ненавистный Торквемада
 Въ кругу чернѣющихъ друзей;

Спать надушонныя маркизы,
 Порой хихикая сквозь сонь,
 И въ русскомъ мраморѣ, въ тивдійскомъ,
 Положенъ спать Наполеонъ.

И все они, какъ будто зерна
 Въ своихъ скорлупкахъ по веснѣ,
 Въ свой срокъ способны раскрываться
 И жить, не въ первый разъ, во миѣ!

И что за звонь, и что за грохотъ,
 И что за жизненность картинъ,
 Тогда несущихся по мыслямъ,—
 Имъ счета нѣть — а я одинъ!

Какая связь межъ всеми ими
 И мной? Во тьмѣ грядущихъ дней,
 Какое мѣсто будетъ нашимъ
 Въ грядущихъ памятяхъ людей?

О, нѣть! Не конечно творенье!
 Богъ продолжаетъ создавать
 И, чтобы міръ былъ необъятный,
 Онъ научилъ — не забывать!

138.

Смотри впередъ, въ нынѣшней минуты!
 Въ той, что идетъ, не властенъ ты вершить;
 Такъ велики условій жизни путы,
 Что ихъ тебѣ ни снять, ни сокрушить.

Бесиленъ ты, — какъ конь въ степи стреноженъ.
 Чѣмъ въ томъ, что онъ, какъ вѣтеръ, быстръ и смѣль?
 Когда-то раньше былъ твой бѣгъ возможенъ;
 Помчаться могъ-бы ты — но не съумѣлъ.

Смотри впередъ! Увидишь просвѣтленье!
 Теперь, сейчасъ сознай, предупреди —
 И будешь ты хозяиномъ движенья
 Съ отвагой въ мысляхъ и огнемъ въ груди.

О, вѣрь мнѣ, вѣрь! Когда-бы люди знали,
 Чѣмъ значитъ властвовать въ минутѣ, что идетъ,
 И, вѣруя въ себя, безъ страха, безъ печали,
 Могли смотрѣть сознательно впередъ!..

139.

Ещё недавно, полонъ силы,
Онъ былъ и ласковъ, и уменъ,—
Онъ понималъ людей живущихъ
И зналъ людей былыхъ временъ.

Теперь осунулся всѣмъ тѣломъ,
Не говоритъ—бормочетъ вслухъ;
Онъ живъ еще, порой смеется,
Но отлетѣлъ безсмертный духъ!

И не понять совсѣмъ, что движеть
И не даетъ сложить костей
Ходячей муміи въ прогулкахъ
Ея по торжищамъ людей...

140.

Тьма непроглядна. Море близко,—
Молчитъ... Такая тишина,
Что комаровъ полночныхъ пѣсня
И та мнѣ явственно слышна...

Другая ночь, и то-же море
Нещадно бѣть вдоль береговъ;
И тьма полна такихъ стенаній,
Что я своихъ не слышу словъ.

А я все тотъ-же!.. Не завишу
Отъ этихъ шутокъ бытія,—
Меня влечетъ, стезей особой,
Совсѣмъ особая ладья.

Ей все равно: что тиши, что буря...
Другъ! Полюбуйся той ладьей,
Прочти названье: «Все проходить!»
Лады не купишь,— самъ построй!

141.

Погасло въ нихъ былое,
 Часть разлуки наступаѧ;
 И, принявъ рѣшенье злое,
 Наконецъ, онъ ейъ сказалъ:

«Поднеси мнѣ эту чашу!
 Въ ней я выпью смерть свою!
 Этимъ связь разрушу нашу—
 Дамъ свободу бытю!»

«Если это не угодно
 Странной гордости твоей,
 Волю вырази свободно,
 Кинь ты чашу и разбей!»

Мѣлча, медленно, высоко
 Нодыяла ее она
 И—быстрѣй мгновенія ока
 Осушила всю, до дна...

142.

Мой стихъ, — онъ не лишенъ значенія:
 Тѣ люди, что теперь живутъ,
 Себѣ родныя отраженья
 Увидать въ немъ, когда прочтуть.

Да, въ этихъ очеркахъ правдивыхъ
 Не скрыто мною ничего!
 Черты въ нихъ — больше некрасивыхъ,
 А краски — сѣрыхъ большинство!

Но, если мы безцѣнны стали, —
 Въ одномъ нельзя намъ отказать:
 Мы — раздроблённыя скрижали,
 Хоть иногда, не прочь читать!

Какъ-бы ауканье лѣсное
 Иль эха чуткаго отвѣтъ,
 Порой доходить къ намъ былое...
 Дойдетъ-ли къ внукамъ? Да, иль нѣтъ?..

143.

Полдень декабрьский! Природа застыла;
 Грунаго неба тяжелую высь,
 Будто надолго, свинецъ и чернила
 Всюду окрасить любовно взялись.

Смутныя мысли бѣгутъ и вѣщаютъ:
 Тамъ, съ поднебесной, другой стороны
 Свѣтлыя краски теперь проступаютъ;
 Тучи обласканы, жизни полны.

Грустно тебѣ! Тяжело непомѣрно,
 Душу твою мракомъ дня нагнело...
 Слушай, очнись! Несомнѣнно, навѣрно
 Гдѣ-нибудь сыщешь и свѣть, и тепло.

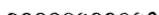
144.

Въ чудесный день высь неба голубая
 Была свѣтла;
 Звучали съ церкви, башню потрясая,
 Колокола.

И, что ни звукъ, то новыя видѣнья
 Безплотныхъ силъ...
 Онъ свершали на землю схожденыя
 Поверхъ перилъ.

Онъ, къ землѣ спустившись, отдыхали
 Вблизи, вдали...
 И незамѣтно, тихо погасали
 Въ тѣняхъ земли...

И я не зналъ подъ обаяньемъ звона:
 Чѣмъ звукъ, чѣмъ свѣтъ?
 Для многихъ чувствъ нѣть мѣры, нѣть закона
 И прозвищъ нѣть!..

145.

Заката свѣтлago пурпурные лучи
 Стремятся на гору съ синѣющей низины,
 И ярче пламени въ откryvшeйся печи
 Пылаютъ сосенъ темныя вершины...

Не такъ-ли въ Альпахъ горные снѣга
 Горятъ, когда внизу синѣть тьма тьнями...
 Жизнь родины моей! О, какъ ты въ намъ строга,
 Какъ не балуешь насъ роскошными дарами!

Мы силами мечты должны возсоздавать
 И дорисовывать, чего мы не имѣемъ;
 То, что другимъ дано, намъ надо отыскать,
 Намъ часто не собрать того, что мы посѣмъ!

И въ нашемъ творчествѣ должны мы превозмочь
 И зиму долгую съ тяжелыми снѣгами,
 И безразсвѣтную, томительную ночь,
 И тьму безвременья, сгущенную вѣками...

146.

Ещё одинъ остался часть,
И—эта масляница сгинеть,
И, ставъ задумчиво средь нась,
Великій посты свой ликъ продвинетъ.

А по пятамъ за нимъ весна
Придетъ съ улыбкой искушенья
И всѣ усилия говѣнья
Нарушить первая—она!

Да, людямъ, въ чаянны свободы,
На долгомъ жизненномъ пути
Успокоенъя не найти
Въ цѣпяхъ законовъ и природы.

Маня къ себѣ исподтишка,
Жизнь, словно хищница въ засадѣ,
Насъ, въ прирожденномъ намъ разладѣ,
Быть наполовину, навѣрняка!

147.

А! Ты не върила въ любовь! Такъ хороша,
Такъ явственно умна и гордостью богата,
Вся въ шелестѣ шелковъ и вѣромъ шурща,
Ты зло выслушивала и сестру, и брата!
Какъ вѣтеръ царственныи въ немѣянной степѣ,
Ты, беззаботная, по жизни проходила...
Теперь, красавица, ты тоже полюбила,
Насмѣшки кончились... Блаженствуя и терни!

148.

Заволокнулись мысли къ ночи
 И, какъ туманъ въ мѣстахъ сырыхъ,
 Лежать недвижными слоями,
 И обѣляетъ мѣсяцъ ихъ.

Недавно всѣ онѣ бродили,
 Вились свободно межъ вѣтвей
 И, въ тѣнь уйда, не признавали
 Докучныхъ мѣсяца лучей.

Теперь настойчиво и жадно
 Ты, мѣсяцъ, алчущій стариkъ,
 Цѣлуюсь ихъ и безвazorно
 Къ ихъ мертвымъ прелестямъ приникъ.

Цѣлуй!... Когда заря зажжется,
 Убьютъ ея огней струи—
 И ихъ замученную прелесть,
 И ласки жадныя твои.

149.

Не насѣдайте на меня отсюду,
 Не говорите сразу, всѣ, толпой,
 Смутится мысль моя, и я сбиваться буду,
 Вы правы будете, сказавши: «Онъ смѣшной!»

Но, если, медленно окрѣпнувши, въ раздумьѣ
 Я, наконецъ, молчаніе прерву,
 Я, будто въ морѣ, въ волнѣ скудоумьѣ,
 Подъ прочнымъ парусомъ спокойно поплыу.

Что я молчалъ такъ долго, такъ упорно,
 Не признакъ слабости мышленья и души...
 Не все то дрябло, хило, чтѣ покорно...
 Большия силы копятся въ тиши!

150.

Кто утомленъ, тому природа—
 Великій другъ, по сердцу братъ,
 Въ ней что-нибудь всегда найдется
 Душъ звучащее подъ ладъ.

Глядишь на рощу; въ колыханье
 Она шумить своей листвой,
 И, мнится, будто, противъ воли,
 Ты колыханью рощи—свой!

Зажглись-ли въ небѣ хороводы,
 И блещутъ звѣзды въ вышинѣ;
 Глядишь на нихъ—онѣ двоятся
 И ходятъ также и во мнѣ...

151.

Какъ вы мнѣ любы, полевые
Глубокой осени цвѣты!
Несвоевременные грёзы,
Не въ срокъ возникшія мечты!..

Вы опоздали въ жизнь явиться;
Васъ жгутъ морозы на зарѣ;
Вамъ въ маѣ надобно родиться,
А вы родились въ октябрѣ...

Отвѣтъ ихъ: «Мы не виноваты!
Насъ не хотѣли опросить,
Но мы надеждою богаты:
Къ зимѣ не будуть насть косить!»

Переводчикъ

152.

Когда-бы все бывши силы,
То, чтò зовутъ у насъ душой
Отъ ранней юности направить
Одною ясною стезей;

Когда-бы, избравъ одно призванье,
Счастливецъ въ жизни не блуждалъ,—
Его почтили-бы дружбой равной
Астарта, Бахусъ и Вааль.

Но мы прямыхъ дорогъ не знаемъ:
Блуждаемъ, и, въ концѣ концовъ,
Насъ зацѣловываютъ на смерть
Однъ иль два изъ тѣхъ боговъ!

153.

Не можетъ юноша, увидѣвъ
Тебя, не млѣть передъ тобой:
Такъ ты волшебна, такъ чаруешь
Средневѣковой красотой!

И мнится мнѣ: ты—шателёнка;
По замку арфы вокругъ звучать,
Къ тебѣ въ пломажахъ и беретахъ
Съ поклономъ рыцари спѣшать.

И я въ раздумьѣ: какъ-бы это
И мнѣ, съ лоснѣющимся челомъ,
Въ числѣ пажей и кавалеровъ
Явиться въ обществѣ твоемъ?

И я рѣшилъ: стать звѣздочетомъ,
Одѣться въ бархатъ—тѣмы темнѣй,
На колпакъ остроконечномъ
Нашить драконовъ, совъ и змѣй;

Тогда къ тебъ для гороскопа,—
Чтобъ остеречь отъ золъ и бѣдъ,—
Въ полночный часъ въ опочивальню
Я буду призванъ на совѣтъ.

Тогда, подъ кровомъ ночи звѣздной,
Тебѣ толкуя зодіакъ,
Я буду счастливъ, счастливъ... Только
Боюсь, чтобъ не слетѣлъ колпакъ!

154.

Славный вождь годовъ далекихъ!
 Съ кѣмъ, тебя, скажи, сравню?
 Былъ костеръ—въ тебѣ я вижу
 Сиротинку-головню.

Все еще она пылаетъ...
 Нѣть не то! Ты—старый дубъ,
 Въ третьемъ царствованыи крѣпокъ
 И никѣмъ не взять на срубъ.

Много бурь въ тебѣ гудѣло,
 И, спускаясь сверху внизъ,
 Молній падавшихъ удары
 Въ ленту черную свились.

Все былое одолѣлъ ты
 Отъ судебъ и отъ людей;
 Не даешь ты, правда, цвѣта,
 Не приносишь желудей...

Но зато листвою жесткой
Отвѣтать совсѣмъ не прочь
И тому, чтѣдень подскажетъ,
Чтѣдѣшнечетъ ночь!...

Голоса твоей вершины—
Въ общей музѣкѣ безъ словъ—
Вторять мощнымъ баритономъ
Тенорамъ молодняковъ...

155.

Не зналъ я, что разладъ съ тобою,
 Всю жизнь разбившій пополамъ,
 Дохнѣть нежданной теплотою
 Навстрѣчу позднимъ сѣдинамъ.

Да!.. Я изъ этого разлада
 Поѣзналъ, чтò значить типина,—
 Какъ велика ея отрада
 Для тѣхъ, кому она дана...

Когда-бъ не это,—безъ сомнѣнья,
 Я, даже и на склонѣ дней,
 Не оѣниль-бы единенья
 И счастья у чужихъ людей.

Теперь я чувства тѣ лелѣю,
 Люблю, какъ ландышъ—близость мховъ,
 Какъ любить бабочкა лилею —
 Замѣтныи всѣхъ другихъ цвѣтоцъ.

156.

Почву сухую лопатою я опрокинулъ,—
 Только лишь къ свѣту сырья подпочва взглянѣла,
 Сохнуть она начала; еле взглядомъ окинула,
 Влага исчезла, въ лазури небесь утонула...

Высохла почва! А влага? Ея незамѣтно;
 Ей къ небесамъ удалось отлетѣть; тамъ привѣтно...
 Думы мои заповѣдныя! Вась я рождаю;
 Гдѣ вы теперь—мнѣ невѣдомо... Я—усыхаю!

157.

Когда я здѣсь, я не могу писать;
 Въ строкахъ набрасываю только впечатлѣнья,
 Чтобы зимой мечтамъ предоставлять
 Отдѣлку смысла ихъ и правду заключенія.

Здѣсь много такъ и красокъ, и тѣней;
 Тутъ столько прелестей отсюду возникаетъ,
 Что, мнится, тѣсно всей душѣ моей;
 И слово, мысли вслѣдъ, идти не поспѣваетъ.

Зато зимой, когда не будетъ ихъ,
 Они таинственно возникнутъ предо мною—
 Во всей ихъ правдѣ, въ краскахъ молодыхъ,
 Съ очарованіемъ и скромной простотою.

И буду въ нихъ, какъ въ рощахъ я гулять,
 Въ нихъ буду счастливъ я, во мнѣ настанетъ лѣто,
 О чемъ мечталъ—съумѣю домечтать,
 Что не допѣто мной, то будетъ въ срокъ долѣто...

158.

Полно! Прислушайся къ пѣснѣ...
Можетъ-быть, въ душу твою
Ласковыхъ звуковъ порядокъ
Мирную пустить струю.

Можетъ-быть, если смиришься,
Будетъ покой тебѣ данъ,
Если выслушивать бросишь
Жгучесть печалей и ранъ.

Мало-ль, что есть... Нерушима
Общая людямъ стезя:
Въ жизни людской—какъ и въ пѣснѣ—
Выкинуть слова нельзя!

Гляжу на сосны,—мощь какая!
 Взгляните хоть на этот сугръ:
 Его спилить нельзя такъ скоро,
 И нужно много, много рукъ...

А этотъ? Что за искривленье!
 Когда-то, сотни лѣтъ назадъ,
 Онъ былъ, бѣдняга, изувѣченъ,
 Былъ какъ-нибудь пригнути, помяты.

Онъ въ искривленіи старинномъ
 Возросъ—и мощенъ, и здоровъ—
 И дремлетъ, будто помнить рѣчи
 Всѣхъ имъ прослушанныхъ громовъ.

А вотъ вблизи—сосна другая:
 Ничѣмъ не тронута, она,
 Шатромъ вѣтвей не расширяясь,
 Взросла—красива и стройна...

Но отчего намъ, людямъ, ближе
И много больше тѣшать взоръ
Вѣтвей изломы и изгибы
И ихъ развесистый шатерь?

160.

Не помѣряться-ль мнѣ съ моремъ?
 Вволю, всласть души?
 Санки крѣпки, очи зорки,
 Кони хороши...

И несчитанныя версты
 Понеслись назадъ,
 Гдѣ-то, мнится, берегъ дальний
 Различаетъ взглядъ.

Кони шибче, веселѣе,
 Мчать во весь опоръ...
 Море мѣста прибавляетъ,
 Шире кругозоръ.

Дальше! Кони утомились,
 Надо понуждать...
 Море будто шире стало,
 Раздалось опять...

А несчитанныя версты
 Сзади собирались
 И кричать, смъясь, въ-догонку:
 «Эй, остановись!»

Стали кони... Нѣть въ нихъ силы,
 Клонять морды въ снѣгъ...
 Ну, пускай другой, кто хочетъ,
 Продолжаетъ бѣгъ!

И не въ томъ теперь, чтобъ дальше...
 Всюду—ширь да гладь!
 Вонъ какъ вдругъ запорошило..
 Будемъ умирать!

161.

Здѣсь роща, помню я, стояла,
Бѣжалъ ручей,—онъ отведенъ;
Оврагъ, сырой дремоты полный,
Весь въ тайнобрачныхъ—оголенъ
Огнями солнца; и пески
Свиваеть вѣтеръ въ завитки!

Гдѣ вы, минуты вдохновенья?
Бывала вами жизнь полна,
И по мечтамъ моимъ счастливымъ
Шла лучезарная волна...
Все это съ рощей заодно
Куда-то въ даль унесено...

Воскресни, міръ былыхъ мечтаній!
Возникни, жизнь былыхъ годовъ!
Ты заблести, ручей, волнами
Вдолъ оживленныхъ береговъ...
Міръ тайнобрачныхъ, вновь покрой
Меня волшебною дремою!

162.

Чтò имъ стиха размѣрный звонъ?
 Отъ нихъ смѣшки и отрицанье...
 Но прозвучить для нихъ и онъ
 И грозно вынудить признанье.

Какъ? Неизвѣстно! Можетъ-быть,
 Услышать въ иѣкій часъ, ревнуя,
 Какъ стихъ, просящій полюбить,
 Смутить ихъ женъ для поцѣлуя...

Быть можетъ, въ тягости труда
 Поймутъ, какъ пѣсня ободряетъ,
 Иль въ тяжкомъ горѣ—какъ тогда
 Родная пѣсня ублажаетъ?

Но ужъ навѣрное для нихъ,
 Совсѣмъ не требуя ихъ мнѣнья,
 Заголосятъ надгробный стихъ,
 И это будетъ—безъ сомнѣнья!

163.

Сквозь листву неудержимо
 Тихо льеть церковный звонъ,
 Уносясь куда-то мимо
 Въ безконечность всѣхъ сторонъ.

Сквозь большиe непорядки
 Душъ людскихъ—добро скользить...
 Гдѣ и въ чемъ его зачатки?
 И какой влечетъ магнитъ?

Дивной силой притяженья
 Кто-то долженъ обладать,
 Чтобы свѣтлыя явленья
 Въ тьмѣ кромѣшной вызывать.

164.

Ночь такъ длинна! О, нѣтъ, довольно!
Душа—какъ тѣло—устаетъ,
И мозгу бѣдному такъ больно,
И сердце въ грудь такъ мощно бѣть.

Мечты, какъ тѣни, возникаютъ;
Видѣнья, вокругъ меня скользя,
Такъ лынутъ, такъ дружно обнимаютъ,
Что мнѣ дохнуть сквозь нихъ нельзя...

Подъ утро—стинуть навожденью,
Когда услышу отъ рѣки
Призывъ къ церковному служенью,
А дома—дѣтокъ голоски!

165.

Серебряный сумракъ спустился,
И сходитъ на землю покой;
Мнѣ слышно движеніе лодки,
Удары весла за горой...

Пловецъ, мнѣ совсѣмъ неизвѣстный,
Отъ сердца скажу: добрый путь!
На трудъ-ли плывешь ты, на радость,
На горе-ли,—счастливымъ будь!

Я такъ преисполненъ покоя,
Я такъ имъ богатъ, что возьми
Хоть часть,—мнѣ достанетъ дѣлиться
Со всѣми, со всѣми людьми.

166.

Молчи! Не шевелись! Покойся недвижимо...
 Не чуешь ли судебъ движения надъ тобой?
 Колесь какихъ-то ходъ свершается незримо,
 И рычаги дрожать другъ другу въ-перебой...
 Смыкаются пути какихъ-то колебаній,
 Разсчеты тайныхъ силъ приводятся къ концу,
 Наперекоръ уму, безъ права пожеланій,
 И не по времени, и правдѣ не къ лицу...
 О, если-бъ, кажется, съ судьбою въ бой рвануться!—
 Какой-бы мощности порывъ души достигъ...
 Но ты не шевелись! Колеса не запнутся,
 Противодействіе напрасно въ этотъ мигъ.
 Повѣрь: свершится то, чему исходъ намѣченъ...
 Но, если на борьбу ты не потратилъ силъ
 И этою борьбой въ конецъ не изувѣченъ—
 Ты можешь вновь пойти... Твой часъ не наступилъ.

167.

Тучи декабрьскія! Око за око!
 Я, какъ и вы, только съ виду тоскливъ,
 Въ мысли и въ сердцѣ я весель губоко,
 Тайну веселья познавъ, но скрываю.

Тайна простая: «тѣмъ лучше, чѣмъ хуже!»
 Гляньте на солнце! Чуть только взойдетъ,—
 Тотчасъ склоняется, мерзнетъ на стужѣ
 И, испугавшись, подъ землю идетъ.

Спрячется! Лѣзутъ отсюду туманы!..
 Холодно, боязно, скучно, темно...
 Царствуютъ выюги, бушуютъ бураны...
 Солнце—причина, виновно оно!

Чуть отогрѣеть, сейчасъ исчезаетъ...
 Тамъ-бы и грѣть ему, гдѣ холоднѣй!
 То-же и въ людяхъ: гдѣ жизнь нагнетаетъ,
 Падаютъ духомъ и смотрятъ грустный.

Мысль, это—солнце! Кто мыслю слабъетъ,
Съ зимняго солнца образчикъ беретъ:
Ждеть, чтобы глянуть, когда потеплѣеть—
Ждеть, чтобъ другіе согрѣли... Прождетъ!

168.

Какая засуха!.. Отъ зноя
 Къ землѣ всѣ травы прилегли...
 Не подалась-ли ось земная,
 И мы подъ тропикъ подошли?

Природа-мать—лицепріятна;
 Вѣдь, по разсказамъ, не слыхать,
 Чтобы въ Сахарѣ, или въ Коби
 Могли вдругъ льдины наростать?

А здѣсь, на сѣверѣ, Сахара!
 Край неба солнце обожгло;
 И даже море, обезумѣвъ,
 Совсѣмъ далѣко въ даль ушло...

169.

Не храни ты ни бронзы, ни книгъ,
 Ничего, что изъ прошлаго дѣнно,
 Все, повѣрь мнѣ, возьметъ старьевщикъ,
 Все пойдетъ по рукамъ—несомнѣнно.

Тѣ почтенные люди прошли
 Что касались былого со страхомъ,
 Тѣ, что письма отцовъ берегли,
 Не пускали ихъ памятей прахомъ.

Гдѣ старинные эти дома—
 Съ ихъ сѣдыми какъ лунь стариками?
 Гдѣды гдѣ? Гдѣ ихъ опытъ ума,
 Гдѣ слова ихъ—не шутки словами?

Весь источенъ сердецъ нашихъ міръ!
 Въ чемъ желать, въ чемъ искать обновленья?
 И жирѣеть могильный вампиръ
 Урожаемъ годовъ оскудѣнья...

170.

Надъ глухимъ болотомъ буря развернулась!
Но молчить болото, ей не отвѣтить,
Въ мохъ оно одѣлось, въ тину завернулось,
Только стебельками острыхъ травъ качаетъ.

Восклицаетъ буря: «Ой, проснись, болото!
Проступи ты къ свѣту зыбью и сверканьемъ!
Ты совсѣмъ иное испытаешь что-то
Подъ моимъ могучимъ творческимъ дыханьемъ.

«Я тебя немного, правда, взбаломучу,
Но зато твои я мертвенные воды
Породню, чуть только опрокину тучу,
Съ влагою небесной, съ дѣтищемъ свободы!

«Дамъ тебѣ вздохнуть я! Свѣту дамъ трясинѣ!
Громъ мой, громъ веселый, слышишь, какъ хоочеть!»
Но молчить болото и, погрязши въ тинѣ,
Ничего иного вовсе знать не хочетъ.

171.

Порой, въ октябрьское ненастье,
Вдругъ загорится солнца лучъ,
Но тотчасъ быстро погасаетъ,—
Туманъ такъ вязокъ, такъ тягучъ.

И говоритъ земля туману:
«Не обнажай моихъ красотъ!
Я такъ устала жаркимъ лѣтомъ,
Въ моихъ красотахъ недочетъ.

«Я такъ безсильна, такъ помята,
Глаза сіянья лишены,
Поблекли губы, косы сбиты,
А плечи худы и блѣдны.

«Закрой меня! Но день настанетъ,
Зимой успѣю отдохнуть,
Повѣрь мнѣ, я сама раскрою
Свою окрѣпнувшую грудь!»

Сказала и, закрывши очи,
Земля слабѣющей рукой
Стѣшить, какъ плодомъ, туманомъ
Прикрыть усталый обликъ свой.

172.

Яркихъ цвѣтовъ мириады,
Почки раскрывши, цвѣтутъ!
Нѣжно росистые взгляды
Къ небу далекому шлють.

«Много на съ въ пышномъ расцвѣтѣ»,—
Стали цвѣты говорить,—
Больше, чѣмъ женщинъ на свѣтѣ,
Даже нельзя и сравнить!»

Слышать древесныя вѣтки,
Стали цвѣтамъ отвѣтить:
«Полно вамъ, милыя дѣтки,
Бѣзъ толку хоромъ болтать!»

«Всѣ вы—жильцы на мгновеніе;
Женщина—долго цвѣтеть...
Сколько-же съ нею въ сравненіе
Вашихъ-то жизней пойдетъ?»

Въ юности, въ годы волнений,
Быстро по жизни скользя,
Глупыхъ такихъ разсужденій
Вѣтокъ подслушать нельзя.

173.

Люблю я время увяданья...
Повсюду валятся листы;
Лишась убора, умалаясь,
Въ ничто скрываются кусты;

И обмирающія травы,
Пригнувшись, въ землю уходя,
Какъ-будто шепчутъ, исчезая:
«Мы всѣ вернемся, погода!

«Тамъ подъ землей мы потолкуемъ
О томъ, какъ жили, какъ цвѣли!
Для собесѣданій важныхъ
Необходима тишина земли!»

174.

О, неужели-же на самомъ дѣлѣ правы
Глашатай добра, красоты и тишины,
Что такъ испорчены и помыслы, и нравы,
Что надобно желать всѣхъ ужасовъ войны?

Что дальше нѣть путей, что снова проступаетъ
Вся дикость прежняя, что, не спросясь, сплеча,
Работу тихую мышленья прерываетъ
И неожиданный, и злой ударъ бича...

Что воздухъ жизни затхль, что ржавчина и плѣсень
Такъ въ людяхъ глубокій и такъ тлетворна гниль,
Что нужны: пушекъ ревъ, разгуль солдатскихъ пѣсень,
Полей встревоженныхъ мерцающая пыль...

Людская кровь нужна! И стонъ, и бредъ больницы,
И сироты въ семьяхъ, и скорби матерей,
Чтобъ чистую слезу вновь вызвать на рѣсицы
Не вразумляемыхъ другимъ путемъ людей,—

„Пѣсни изъ Уголка“.

16

Digitized by Google

Чтобъ этимъ ихъ поднять, и жизни цѣль поставить
И дать задачу имъ по силамъ, по плечу,
Чтобъ добрый пастырь могъ придти и мирно править
И на торгующихъ не прибѣгать къ бичу...

175.

Глядишь открытыми глазами
 Величью полночи въ лицо,
 И вдругъ съ рѣки, иль за кустами
 Раздастся крѣпкое словцо!

Возможна-ль жизнь безъ нарушеній?
 Но надо выдержать умѣть
 И неприглядность дерзновеній
 Скорѣй какъ можно одолѣть.

Они—вездѣ, хоть ихъ не просясть,
 Да и предвидѣть ихъ нельзя...
 Такъ пусть-же вѣтры ихъ разносять—
 Имъ, какъ и намъ—своя стезя!

176.

Какъ мирно мы сидимъ, какъ тихо...
 А, между тѣмъ, весь шаръ земной,
 Пространствъ невѣдомыхъ шумиха,
 Несется съ адской быстротой!

Близъ насть и свѣчи не дрожать,
 А зѣмли и моря летять!

Какъ бурно въ сердцѣ! Валъ за валомъ
 Грохочать чувства и мечты!
 Потрясены и я, и ты...
 Но глянь вокругъ! Въ полуусталомъ,
 Въ блаженномъ снѣ, глубокомъ снѣ
 Весь міръ спокоенъ при лунѣ...

Всѣ наши правды и сомнѣнья
 Все это создалъ умъ людской:
 Намъ только кажутся движенья,
 Намъ только чутся покой...
 Что бездны звѣзды! Вѣдь безднѣ такихъ
 Такъ много, какъ и глазъ людскихъ!

Да, міръ и всѣ его основы—
Свои для каждого изъ нась!
Я умеръ—цѣлый міръ погасъ!
Ты родился—возникнулъ новый:
Тѣмъ несомнѣнѣй, тѣмъ вполнѣй,
Чѣмъ ярче мысль души твоей!

Для нищихъ духомъ—нѣть сомнѣнья,
Сводь неба твердь, лежить шатромъ;
Весь кругозоръ ихъ въ силѣ зрѣнья,—
Ихъ нѣть въ грядущемъ, нѣть въ быломъ!
Нѣть чувства безднѣ для ихъ умовъ.
Нѣть пониманья, нѣть и словъ...

177.

Гораздо больше позабыто,
 Чѣмъ жизнь намъ новаго даетъ!
 Что было въ дѣтствѣ пережито,
 То ярко въ памяти живеть.

А то, чтѣ только-что, недавно
 Въ усталой памяти легло,—
 То—блѣдно, мертвенно, безправно
 И только отблескомъ свѣтло...

Дни дѣтства—дни произрастаній
 Земли и теплой, и сырой,
 Дни допотопныхъ очертаній
 Съ ихъ мощной, дерзкой красотой.

178.

Стучать на пруду моемъ капли,
 Идеть звуковой перебой...
 Эстонецъ и нѣмецъ, и русскій
 Ихъ слышать—одинъ, какъ другой.

Но гдѣ тотъ предѣлъ ощущеній,
 За гранью которыхъ дано
 Великимъ и малымъ народамъ
 Познать, а не слышать, одно?

Сбивають ихъ звуки былого,
 Прошедшихъ насилий слѣды,
 Печали великихъ скитаній
 И ярость исконной вражды!

По-своему всѣ они правы,
 Различны въ нихъ вѣяния думъ...
 Но капли, когда упадаютъ,—
 Для всѣхъ одинаковъ ихъ шумъ!

179.

Горитъ, горитъ безъ копоти и дыма
И всюду сыплется по осени листва...
Зачѣмъ, печаль, ты такъ неодолима,
Такъ жаждешь вылиться и въ звуки, и въ слова?

Ты мнѣ святѣ, моя печаль родная,—
Не тѣмъ святѣ ты мнѣ, что ты—печаль моя;
Тебя порою въ пѣснѣ оглашай,
Совсѣмъ не воленъ я, пою совсѣмъ не я!

Поетъ во мнѣ не гордость самомнѣнья...
Нѣтъ, плачъ души слагается въ размѣръ,
Одинъ изъ стоновъ общаго томленья'
И безнадежности всѣхъ чаяній, всѣхъ вѣръ!

Вотъ оттого-то кто-нибудь и гдѣ-то
Во мнѣ отзучія своей тоскѣ найдетъ;
Быть можетъ, мной яснѣе будетъ спѣто,
Но онъ, по-своему, со мной одно поеть.

180.

Въ вѣсъ о поэзіи смѣшное представленье,—
Поэзія—не сонъ, не лѣтотпись, не бредъ!
Поэтомъ въ жизни стать—совсѣмъ не наслажденье,
Какъ тяжело имъ быть—оцѣнить лишь поэтъ!

Но только истинный, имѣющій призванье...
Не триумфаторъ онъ, не жрецъ и не пророкъ,—
Фома невѣрящій, припавшій къ осязанью
И къ поклоненю язвамъ рукъ и ногъ.

Меня здѣсь нѣть. Я тамъ, далѣко,
Тамъ, гдѣ-то, въ дняхъ пережитыхъ!
За далью ихъ—не видить око
И нѣть свидѣтелей живыхъ.

Я тамъ, весь тамъ, за сѣрой мглою!
Здѣсь нѣть меня; другимъ я сталъ,
Забывъ, гдѣ былъ я самъ собою,
Гдѣ быть собою пересталъ...

182.

Я плыву на лодкѣ. Парусъ
Рѣжетъ мачтой небеса;
Лебединой бѣлой грудью
Онъ подъ вѣтромъ налился.

Море тихо, волны кротки
И кругомъ—вездѣ лазурь!
Не бываетъ въ сердцѣ горя,
Не бываетъ въ небѣ бурь!..

Я плыву въ сіянны солнца.
Чѣмъ не рыцарь Лоэнгринъ?
Я совсѣмъ не старъ, я молодъ,
И плыву я не одинъ...

Ты со мною, жизнь былая!
Ты осталась молода
И красавицей, какъ прежде,
Снизошла ко мнѣ сюда.

Вмѣстѣ мы плывемъ съ тобою,
 Бѣлый парусъ тянетъ насъ;
 Я припалъ къ тебѣ безмолвный...
 Свѣтлый часъ, блаженный часъ!..

По плечамъ твоимъ высокимъ
 Солнце блескъ разлило свой,
 И знакомыя мнѣ косы
 Лынгутъ къ волнамъ своей волной.

Усть дыханье ароматно!
 Грудь, какъ прежде, высокѣ...
 Снизойди къ докучнымъ ласкамъ
 И къ моленьямъ старика!

Что? Ты плачешь?!.. Иль пугаетъ
 Острый блескъ моихъ сѣдинъ?
 Юность! О, прости, голубка...
 Я—не рыцарь Лоэнгринъ!

183.

Здѣсь все мое!—Высь небосклона
 И солнца ликъ, и глубь земли,
 Призывъ молитвенного звона
 И эти въ морѣ корабли;

Мои—всѣ села надъ равниной,
 Стога, возникшіе окрестъ,
 Рѣка съ болтливою стремниной
 И все былое этихъ мѣсть...

Здѣсь для меня живутъ и ходятъ...
 Мнѣ—свѣжестъ волнъ, мнѣ—жаръ огня,
 Туманы, даже, тѣ, что бродятъ,—
 И тѣ мои и для меня!

И въ этомъ чудномъ обладаньѣ,
 Какъ иночъ, на исходѣ дней,
 Пишу послѣднее сказанье,
 Еще одно, другихъ яснѣй!

Пускай живое пѣснопѣнье
Въ родной мнѣ русскій міръ идетъ,
Гдѣ можно—дастъ успокоеніе
И никогда, ни въ чемъ не лжетъ.

184.

Что тутъ писано, писаль совсѣмъ не я,—
 Оставляла за собою жизнь моя;
 Это—куколки отъ бабочекъ былыхъ,
 Слѣдъ замѣтны превращеній временныхъ.

А души моей—что бабочки искать!
 Хорошо теперь ей гдѣ-нибудь порхать,
 Никогда ея, нигдѣ не обрѣсти,
 Потому что въ ней, безпутной, нѣть пути...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

„УГОЛОНЪ“.

	СТР.
Здѣсь счастливъ я, здѣсь я свободенъ	7
Мой садъ оградой обнесенъ	9
Въ темнотѣ осенней ночи	32
Еще покрыты льдомъ живые лики водъ	35
Съ простымъ толкую человѣкомъ	42
И вотъ, сижу въ саду моемъ тѣнистомъ	47
Съ высоты горы высокой	52
Былый мохъ здѣсь поростаетъ	73
Я помню, помню прошлый годъ	76
Мой прудъ, онъ съ утра разрисованъ	104
Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ	111
Помню: я дерево въ землю сажаль	117
Всюду ходятъ привидѣнья	139
Вдоль Наровы ходятъ волны	142
По берегамъ рѣки холодной	144
Сегодня въ церковь не пошелъ я	150
Было время, въ ѿны годы	158
Здравствуй, товарищъ! Подай-ка мнѣ руку	164

„Пѣсни изъ Уголка“.

17

	стр.
О, какъ я люблю порою	175
Почву сухую лопатою я опрокинуль	218
Когда я здѣсь, я не могу писать	219
Ночь такъ длинна! О, нѣть, довольно!	228
Серебряный сумракъ спустился	229
Какая засуха!.. Отъ зноя	233
Стучать на пруду моемъ капли	247
Я плыву на лодкѣ. Парусъ	251
Здѣсь все мое!—Высь небосклона	254

Море и сосны.

Отъ горизонта поднимаясь	39
Мощь сѣверныхъ лѣсовъ въ сугробахъ и наносахъ	82
Нынче годъ цвѣтенья сосенъ	122
Прилай льда все море обрамляютъ	124
Какъ эти сосны древни, величавы	147
Съ моря сердитаго въ малый заливъ забѣжавъ	166
Въ лиственной чащѣ шумливо	181
Эта злая буря пронеслась красиво	183
Тьма непроглядна. Море близко	200
Гляжу на сосны,— мощь какая!	221
Не помѣряться ль мнѣ съ моремъ	223

Изъ природы.

Вотъ она—великая трясина!	54
Старый дубъ листвы своей лишился	56
Надъ осокой вольный вѣтеръ пролетаетъ	90
Полдень прекрасенъ. Въ лазури	92
Любо мнѣ, чутъ съ вечерней зарей	103
Вѣтеръ несется могучій	118

	СТР.
Качается лодка на цепи	119
Высокод гуляет вьтеръ	152
Я помню ночь. Мы съ ней сидѣли	177
Заволокнѣлись мысли къ ночи	208
Кто утомленъ, тому природа—	210
Надъ глухимъ болотомъ буря развернулась!	235

Времена года.

Закрыла осень всѣ пути	74
Въ молчаны осени ссыпаются листы	81
Право, не больше чѣмъ въ полчаса времени	95
Нѣть, вербѣ, ты опоздала	97
Могучей силою богаты	109
Вы побѣдѣли, кладбища граниты	130
Вотъ съ крыши первые потёки	131
Травка всюду зеленѣеть	176
Славный снѣгъ! Какай роскошь!	191
Повиснулъ хмѣль съ жердей забора	193
Полдень декабрьскій! Природа застыла;	203
Какъ вы мнѣ любы, полевые	211
Тучи декабрьскія! Око за око	231
Порой, въ октябрьское ненастье	236
Яркихъ цвѣтовъ мириады	238
Люблю я время увяданья	240

Изъ міра мыслей.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ—	13
Порой хотѣлось-бы всѣхъ вѣяній весны	30
Мельчаютъ, что ни день, людскія поколѣнья.	41

17*

	СТР.
Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ	49
Воды немнога, нѣсколько солей	60
Не въ томъ бѣда, что разны состоянья	61
Да, да! Всю жизнь мою я жадно собираль	64
Когда въ семье—психически-больной	66
Все чаще говорить приходится—«забыть»	67
А знаете ли вы, что ясной мысли вслѣдъ	68
Условно все. Когда темнѣеть	100
Нѣть, не отъ всѣхъ предубѣжденій	102
Порою между насъ пророки возникаютъ	113
Великъ запасъ событій разныхъ	114
Опять Христосъ! Что Онъ—межъ нами	185
Во мнѣ спокойно спать гиганты	196
Смотри впередъ, вѣнѣ нынѣшней минуты!	198
Молчи! Не шевелись! Покойся недвижимо...	230
О, неужели-же на самомъ дѣлѣ правы	241

Къ будущей жизни.

Какъ ты боишься привидѣній	11
Вы—думы яркія, мечтанья золотыя	19
Сквозь оболочку праха, пыли, тѣнья	22
Когда больной умретъ, и кончится со смертью	51
Во снѣ мучительномъ я долго такъ бродиль	80
Кому-же хочется въ потомство перейти	84
Ты подарилъ мнѣ лучшую изъ книгъ	137
Меня въ загробномъ мірѣ знаютъ	169
Въ конецъ окружены туманомъ прежнихъ дней	173

Лиричеснія.

Какая ночь! Воншель я въ хату	15
Воспоминанья вы убить хотите	16

Гдѣ, скажите мнѣ, та высь небесъ лазурная	18
Дайте, дайте мнѣ, долины наши ровныя	21
Да, да, когда я молодъ былъ	24
Не можетъ свѣтъ луны надъ влагой	26
Сколько хорошихъ мечтаній	28
Предъ великою толпою	29
О, какъ я чувствую, когда къ чему-нибудь	34
Чуть глянуль жаръ румяного востока	37
Вотъ—мои воспоминанья	38
Отъ горизонта поднимаясь	39
Слабѣеть свѣтъ моихъ очей	44
При свѣтѣ трепетномъ лампады въ чась ночной	57
Ни слава яркая, ни жизни мишуря	75
Сказаль-бы я такъ много, много	86
Когда-то, подлѣ Вавилона	87
Какъ въ рубинахъ яркихъ—вокругъ кусты малины	88
Ты любишь его всей душою	96
Гуляя въ сіянїѣ заката	98
Съ какимъ глубокимъ уваженiemъ	107
Сказочку слушаю я	120
Мои мечты—что лѣсь дремучий	133
Мысли погасшія, чувства забытыя	134
О, будь въ сознаніи правды смѣль	136
Какое дѣло имъ до горя моего	138
Какая ночь убийственная, злая	146
Ты тутъ жила! Зимы холодной	148
Твоя слеза меня смущила	151
Какъ робки вы и какъ ничтожны	154
„Пара гнѣдыхъ“, или „Ночи безумныя“	155
Не обостряй своихъ страданій	157
Ночь ползеть изъ травы, изъ кустовъ	160
Я знаю кладбище. Съ годами	161
На гробъ старушки я дряхлѣющей рукой	162
Я вѣрю старому преданью	167

	СТР.
Мнъ улыбаться надоѣло	168
На сценахъ царскія палаты	171
Соловья живыя трели	180
Заря пройдеть, заря вернется	184
Я помню ужась смерти этой	188
Какъ думы мощныхъ скаль, къ скалѣ и отъ скалы	189
Лѣсь густой; за лѣсомъ—праздникъ	190
Юность напрасно отъ старшихъ сторонится	195
Въ чудесный день высь неба голубая	204
Еще одинъ остался часъ	206
Не насѣдайте на меня отвсюду	209
Когда-бы всѣ былия силы	212
Не зналъ я, что разладъ съ тобою	217
Полно! Прислушайся къ пѣснѣ	220
Здѣсь роща, помню я, стояла, ...	225
Сквозь листву неудержимо	227
Не храни ты ни бронзы, ни книгъ	234
Какъ мирно мы сидимъ, какъ тихо	244
Меня здѣсь нѣть. Я тамъ, далеко	250
Что тутъ писано, писаль совсѣмъ не я	253

Поэзія.

Всегда, всегда несчастливъ былъ я тѣмъ	40
Изъ моихъ печалей скромныхъ	59
Ты не гонись за рифмой своеиравной	70
Изъ сокровищницы вѣчной	72
Нѣть, никогда и никакою волей	78
Нѣть, не могу! Порой отвсюду	156
Все на свѣтѣ, все безспорно,—	178
Мой стихъ, онъ—не лишенъ значенья	202
Заката свѣтлаго пурпурные лучи	205
Что имъ стиха размѣрный звонъ	226

СТР.

Горить, горить безъ копоти и дыма	248
Въ васъ о поэзіи смышное представленье	249

Картинни.

На конѣ брабантскомъ плотномъ	93
Помню: какъ-то разъ мнѣ снілся	105
Разъ одинъ изъ фараоновъ	115
Не можетъ юноша, увидѣвъ	213

Портреты.

Часто съ тобою мы спорили	27
Ты часто такъ на снѣгъ глядѣла	46
Если-бъ все, что упадаетъ	58
Нѣть, никогда, никто всей правды не узнаетъ	62
Твой умъ силенъ, спокоенъ, крѣпокъ . . . . , ...	83
Въ древней Греціи, бывало	125
Его портретъ лѣтъ тридцать только	127
Совсѣмъ примѣрная семья!	128
Какъ ты чиста въ покой ясномъ	129
Стою я съ ужасомъ у гроба	145
Какъ на свѣтку мотыльки стремятся	194
Еще недавно, полонъ силы	199
Погасало въ нихъ былое	201
А, ты не вѣрила въ любовь! Такъ хороша	207
Славный вождь годовъ далекихъ!	215

Изданія А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, 22.

Начало см. на предыдущ. стран. обложки.

графического, и т. п. содержанія, изложенный притомъ въ легкой, интересной формѣ, съ присущимъ автору талантомъ.

Текстъ книги иллюстрированъ множествомъ видовъ городовъ и ихъ достопримѣчательностей, воспроизведенныхъ въ художественно исполненныхъ гравюрахъ и автотипіяхъ съ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ.

ИЗДАНИЕ РЕКОМЕНДОВАНО:

I. Учебнымъ Комитетомъ при СВЯТЬШЕМЪ СИНОДЕ—для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ духовныхъ семинарій и женскихъ епархиальныхъ училищъ.

II. Ученымъ Комитетомъ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ—для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведений, мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ педагогическихъ курсовъ при женскихъ гимназіяхъ, для библиотекъ учителскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, а также для раздачи воспитанникамъ учебн. заведеній въ видѣ награды.

III. Главнымъ управлениемъ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ—для приобрѣтенія въ библиотеки военныхъ и юнкерскихъ училищъ и въ ротныхъ библиотекахъ кадетскихъ корпусовъ.

IV. Для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведений Вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, а і томъ, кроме того, и для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста этихъ заведеній.

Цѣна за оба тома 7 р., съ перес. 7 р. 75 к., въ двухъ изящныхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. «Похожденія Чичикова или МЕРТВЫЯ ДУША». Поэма Н. В. Гоголя, въ 2-хъ частяхъ, съ портретомъ автора, 10 геліографиями и 335 иллюстраціями. Роскошное изданіе: бумага, печать и воспроизведеніе иллюстрацій не оставляютъ желать ничего лучшаго. Цѣна изданія: въ 12-ти брошюрован. выпускахъ—12 руб., съ перес.—13 р. 50 к. Въ прочномъ и красивомъ коленкоровомъ переплѣтѣ съ кожан. корешкомъ—16 руб., съ перес. 18 руб. Весь 15 фунтовъ.

Вагнеръ, Н. П. Картини изъ жизни животныхъ. Съ 300 иллюстраціями художниковъ: Ю. Адама, Л. Бекмана, І. Вольфа, А. Вѣрушъ-Ковальского, Н. Каразина, А. Кившенко, В. Кунерта, Н. Сверчкова, А. Шпехта и Ф. Шпехта. Большая роскошно-иллюстрированная книга въ 4 д. л., болѣе 800 столбцовъ текста съ иллюстраціями. СПБ. 1901 г. Цѣна книги, переплетенной въ прочную папку съ акварелью Н. Н. Каразина, печатанною въ 12 красокъ—5 руб., съ перес. 6 руб.

Луговой, А. «POLICE VERSO»—«ДОБЕЙ ЕГО!» Параллели.—Роскошно иллюстрированное изданіе, съ 87 рис. А. В. Маковскаго. По глубинѣ своей мысли и оригинальности виѣшней формы—книга А. Лугового вѣсма интересна. Содержаніе ея составляютъ четыре яркія картины, рисующія психологію толпы, ея кровожадность и жестокость по отношенію къ слабому, униженному и оскорблѣнному, и написанныя очень колоритно, съ чуткимъ пониманіемъ человѣческой души. Художественность произведенія еще болѣе усиливается великолѣпными иллюстраціями, воплощающія мысль художника. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ роскошномъ перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

„Альбомъ Украинской Старины“. Роскошное изданіе in folio, состоящее изъ 21 таблицы съ акварелями С. И. Васильковскаго и съ рисунками Н. С. Самокиша, съ приложеніемъ обширныхъ объяснительныхъ статей проф. Д. И. Эварницкаго, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Цѣна этого роскошнаго альбома, заключенного въ изящную папку,—8 руб., съ пересыпкою 9 руб.

Издание А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, въ 12-ти томахъ, 8458 стр. in 8⁰, съ портретомъ автора, его факсимилемъ и видомъ модельного памятника. Цѣна 12-ти томамъ—18 руб., съ перес. 21 руб.; въ перепл. 24 р., съ перес. 27 р. Цѣна каждому тому въ отдельной продажѣ (только безъ переплета) 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Фетъ, А. А. «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ», подъ редакціею Б. В. Никольского, въ 3-хъ томахъ, съ 4 портретами и автографомъ Фета, съ хронолог. и алфавитн. указателями, и съ предисловіями: «Отъ издателя» и «Отъ редактора», и съ приложеніемъ вступительныхъ статей. Издательское изданіе 1754 стран. СПб., 1901 г. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ перепл.—6 р. 50 к., съ перес. 7 р. 25 к. Цѣна роскошн. изданій, отпечатан. на слоновой бумагѣ, 10 р., съ перес. 11 р.; въ богатыхъ перепл.—13 р., съ перес. 14 р.

Майковъ, А. Н. «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ». Новое 7-е изданіе, въ четырехъ томахъ, съ автографомъ и 2 портретами А. Н. Майкова, гравирован. на стали Ф. А. Брокгаузомъ. Издательское изданіе, XXVI+2284 стр. въ 8-ю д. л. СПб., 1901 г. Цѣна за всѣ 4 тома 4 руб., съ перес. 4 р. 75 к., въ перепл.—6 р., съ перес. 6 р. 75 к. Для лицъ, имѣющихъ уже предыдущія трехтомныя изданія, новый IV томъ продаётся отдельно (только безъ переплета) по цѣнѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава). СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, въ шести томахъ, 3562 стр. in 8⁰, съ критико-біографич. очеркѣмъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполненнымъ геліографией. Цѣна 9 р., съ пересылкою 10 р.; въ 6-ти красивыхъ коленкоров. переплетахъ—12 р., съ пересылкою—13 р. 25 к.

Горбуновъ, И. О. «СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ». Подъ редакціею и съ предисловіемъ А. О. Кони. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ—геліографией И. О. Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; въ переплетахъ 5 р., съ перес. 5 р. 75 к. Цѣна роскошн. изданія 8 р., съ перес. 9 р., съ перес. 10 р.

Полонскій, Я. П. «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ», въ 5-ти томахъ, вновь пересмотрѣнное и очень значительно дополненное, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Я. П. Полонского, гравиров. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 75 к.; въ 5-ти перепл. 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 25 к.

Потапенко, И. Н. «СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ», въ 12-ти изящно изданыхъ томахъ, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и содержащихъ 3948 страницъ въ 8-ю долю листа. Цѣна 12-ти томамъ—12 р., съ перес. 14 р.; въ 6-ти переплетахъ—15 р., съ перес. 17 р. Цѣна каждому тому (только безъ перепл.)—1 р., съ перес.—1 р. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, М. Морская, № 22.—Изданія эти имѣются также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Панковской въ Москвѣ (Петровская линія), въ книжн. маг. „Образование“ въ Одессѣ (Ришельевская, № 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

0
9.P5

S

104

15

२

PG 3470 .859 .P5
Please Iz ugo like.

C.1

Stanford University Libraries

PG
3470
.S59 .P5

3 6105 036 831 126

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

28D APR 9 1994 DATE DUE
APR 9 1994

DOC OCT 25 1995

28D MAY 27 1994

28D NOV 11 1994

28D DEC 13 1994

28D JAN 10 1995

DOC MAY 03 1995

DOC MAY 03 1995

